

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ЛИТЕРНЫЙ ПОЕЗД ГЕНЕРАЛИССИМУСА

— Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Литерный поезд генералиссимуса

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Литерный поезд генералиссимуса / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-94365-4

Фашистской разведке становится известно, что в ближайшие дни Сталин посетит Западный фронт. Информация абсолютно достоверная, и операцию по уничтожению генералиссимуса под личный контроль берет фюрер. Вражеская диверсионная группа предателя Свиридова десантируется в расположение советских войск. Диверсанты уже знают, на каком именно поезде поедет Сталин. Кажется, фашистские прихвостни продумали все. Но одного они не учли: СМЕРШ давно идет по их следам и просчитывает каждый их шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94365-4

© Сухов Е. Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	34
Глава 7	44
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Сухов
Литерный поезд генералиссимуса

© Сухов Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

29 июля. Ближняя дача. Важное задание

Сталин открыл дверь и вышел на террасу. Воздух был плотным, душным. Вокруг ночь, ни огонька. Впереди плотной стеной стояли деревья. Где-то в отдалении глухо зарычала собака, потом умолкла. Докурив трубку, Иосиф Виссарионович вернулся в кабинет, подошел к карте, висевшей на стене с отмеченными на ней позициями Красной армии и вермахта, и вернулся за письменный стол. Перевернул исписанный лист блокнота и уже на чистой странице, взяв красный хорошо заточенный карандаш, написал в самой середине крупными буквами: «Операция «Суворов». Затем поднял телефонную трубку и сказал:

– Пригласите ко мне немедленно товарища Серова.

* * *

Телефонный аппарат ВЧ-связи, прозвеневший в комнатной тиши, показался невероятно громким, бестактным. Было три часа ночи. Заместитель народного комиссара внутренних дел, комиссар государственной безопасности второго ранга Серов Иван Александрович, будто бы предчувствуя ночной разговор, еще не спал, работал в кабинете и намеревался выпить крепко заваренного чая. Подняв трубку телефона, произнес бодрым голосом:

– Серов слушает.

– Иван Александрович, – услышал он мягкий и слегка глуховатый голос секретаря Сталина Поскребышева, – вы не могли бы подъехать сейчас на Ближнюю дачу к товарищу Сталину для серьезного разговора?

Иван Александрович, невольно сглотнув, оценил такт всесильного секретаря. Словосочетание «не могли бы» звучало всего лишь некой связкой в предложении, но в действительности смысл их был таков: «Даже если ты сейчас в постели и намеревался остаток ночи провести в блаженстве, все откладывается! Хватай руки в ноги и езжай немедленно в Кунцево под ясные очи товарища Сталина. У него к тебе имеется очень важное дело».

Особую нагрузку усиливал конец фразы: «для серьезного разговора», столь значимые слова произносились Поскребышевым крайне редко.

– Выезжаю немедленно, Александр Николаевич, – столь же энергично отозвался комиссар государственной безопасности второго ранга и положил трубку.

Телефонный рычаг зловеще дзинькнул, сна как и не бывало. Не притронувшись к заваренному чаю, Иван Александрович подхватил с вешалки фуражку и заторопился к двери.

– Ваня, ты куда? – встревоженно спросила жена.

– К Сталину.

Не дожидаясь ответа, Серов повернул в двери ключ и быстрым шагом вышел на лестницу.

* * *

Ближняя дача Сталина располагалась в десяти минутах езды от Кремля, практически сразу же за Поклонной горой. Спрятанная в чаще и огороженная глухим высоким зеленым забором, она была практически невидима со стороны. Человек, который в ней проживал, вел уединенную жизнь, пребывая в основном дома, лишь иной раз выходил, прогуливался по двору, терпеливо кивая на приветствие охраны.

Вокруг дачи было выставлено три кольца охранения, миновать которые было невозможно. На дорогах стояли заградительные посты, где тщательно, невзирая на высокие чины, проверялись документы. А в чаще располагались «секреты», контролируя каждый куст.

Прежде чем Серов добрался до дачи, документы у него проверили трижды: первый раз, когда он въехал в лес, где, собственно, и начиналась запретная зона; второй раз – в смешанном лесу, где-то посередине чащи (у полосатого длинного шлагбаума стояла группа автоматчиков в форме НКВД); третий раз проверка произошла непосредственно перед самым въездом на территорию. Последний контроль был особенно тщательным, где начальник КПП, молодой угрюмый подполковник, тщательно изучил его удостоверение, как если бы впервые видел Серова. В служебном рвении он даже потребовал опустить стекло и, тщательно осмотрев салон и не обнаружив ничего настораживающего, коротко распорядился:

– Открывайте ворота!

Въехав на территорию, Серов оставил машину у самого входа под присмотром охраняющих, а сам скорым шагом направился в дом.

До рассвета было еще далековато. Темнота плотно лежала в густом лесу, делая его еще более мрачным. Из окон первого этажа тускло просачивался свет, бросая неровные расплывчатые трапеции на скошенную пожелтевшую траву, густо пробивающуюся из-под земли.

На западной террасе дачи мелькнула чья-то тень и тотчас пропала в ночи. Это вполне мог быть Сталин, любивший выходить на нее, чтобы выкурить трубку.

Иван Александрович прошел в дом, где у кабинета Сталина, склонившись над аккуратно разложенными бумагами, сидел его секретарь Поскребышев. В его внешности не было ничего примечательного, что свидетельствовало бы о величии: был он маленького росточка, с тщательно бритой головой, заметно рыхловат. У всякого, кто его видел впервые, невольно закрадывалась мысль: что его может связывать с таким человеком, как Иосиф Виссарионович Сталин? Но простоватая внешность Александра Николаевича была обманчива, человеком он был незаурядным, – рядом со Сталиным Поскребышев находился двадцать лет, был его правой рукой. Многие распоряжения, приказы, директивы, резолюции вещались голосом этого уже немолодого и на вид невзрачного человека. Александр Николаевич обладал невероятно цепкой памятью и, не заглядывая в бумаги, помнил приказы и распоряжения пятилетней давности. Знал по имени и отчеству тысячи людей, с которыми его всего лишь однажды свел случай. Даже Сталин, обладая поистине редкой памятью, перепроверял ее у Поскребышева. Александр Николаевич наизусть помнил номера протоколов, состав участников заседаний и еще много важного и нужного, без чего не может состояться секретарь главы государства. Там, где требовался штаб из тридцати сотрудников, он справлялся один. И оставалось лишь только удивляться его невероятному трудолюбию и выносливости.

Поскребышев даже старался копировать интонацию Хозяина, по которой всегда можно было догадаться о настроении Иосифа Виссарионовича. И вот сейчас, затаив дыхание, Серов терпеливо ждал, когда наконец секретарь оторвет взгляд от разложенных на столе бумаг и выскажет распоряжение Сталина. В этом и заключалось величие маленького человека – потропить его не осмеливались даже члены Политбюро, и оставалось лишь терпеливо дожидаться, когда он вспомнит о подошедшем просителе.

Поскребышев аккуратно воткнул ручку в чернильницу-непроливайку, узкой ладонью отодвинул от края стола сползающие бумаги и посмотрел на Серова, присевшего в ожидании на стул подле большого фикуса.

– Проходите, Иван Александрович, товарищ Сталин ждет вас. – И, отвечая на немой вопрос Серова, продолжил чуть тише, как если бы опасался чужих ушей: – Перед вами был товарищ Жданов, у Иосифа Виссарионовича хорошее настроение.

Серов благодарно кивнул и, немного успокоенный, постучался негромко в дверь Верховного. После разрешения распахнул дверь и вошел в кабинет, больше напоминающий зал, в

центре которого стоял круглый стол, укрытый зеленой скатертью, с придвинутыми вплотную стульями; вдоль стен расставлены диваны и кресла. На полу огромный, выполненный на заказ, толстый красный ковер ручной работы. Поговаривали, что обивку для стен утверждал сам Сталин, выходит, у него времени хватало и на это.

Остановившись у дверей, Иван Александрович терпеливо дожидался разрешения пройти вовнутрь кабинета, стараясь угадать по лицу Верховного, какая именно оказия заставила Сталина вызвать его среди ночи на Ближнюю дачу. Но Сталин выглядел безмятежным, собственно, как и всегда, даже слегка флегматичным.

Вопреки ожиданию, в комнате никого не было, что указывало на то, что разговор будет конфиденциальным. После мягкого рукопожатия Сталин произнес:

– Садитесь, товарищ Серов. – Иосиф Виссарионович вернулся на место, за небольшой стол, укрытый зеленым сукном.

Иван Александрович присел напротив.

– Как добрались, товарищ Серов?

– Спасибо, товарищ Сталин, добрался хорошо. В городе все спокойно.

– Вы быстро доехали.

– После вашего звонка я сразу же пошел к машине. Она стояла у подъезда.

– Вы не спали?

– Нет... Было много работы.

Иосиф Сталин понимающе кивнул, давая понять, что время для праздных вопросов истекло, после чего спросил:

– Вы знаете, какая сейчас обстановка вокруг Смоленска?

– Так точно, товарищ Сталин. По нашим разведанным, немецкое командование в районе Смоленска и Рославля создает мощную группировку войск в составе третьей, частично второй и четвертой танковых армий, входящих в группировку «Центр». Общая численность группировки насчитывает около девятисот тысяч человек, – четко докладывал Серов. – Поддержку соединениям осуществляет шестой воздушный флот. В его составе около семисот самолетов. Руководит группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Вальтер Морель. На этом направлении, по данным нашей разведки, готовится серьезное наступление, товарищ Сталин. О своих наблюдениях, дислокациях противника, о прибывающих к линии фронта военных подразделениях мы регулярно докладываем в Генеральный штаб.

– Все так, – легко согласился Иосиф Виссарионович, – немцы хотят взять реванш за свое поражение в Сталинградской битве. Совсем недавно они пробовали осуществить наступление на юго-восточном направлении, но у них ничего не получилось: наши полководцы оказались искуснее, а советские войска – сильнее. Немецкая наступательная операция обернулась для них поражением, и вот сейчас подошло самое подходящее время, чтобы развить успех.

Комиссар государственной безопасности второго ранга никак не мог сообразить, с какой именно целью Сталин решил поговорить с ним об оперативной военной обстановке. Для этой цели вполне подошел бы маршал Жуков или генерал-полковник Рокоссовский – оба великолепные стратеги, а его дело – государственная безопасность. Но слушал внимательно, ожидая ответа, и он последовал:

– Вы согласны со мной, товарищ Серов?

– Так точно, товарищ Сталин.

– А что вы сами об этом думаете, товарищ Серов?

– Неделю назад из Смоленска в распоряжение армии генерал-майора Поленова пришел немецкий перебежчик, фельдшер... он рассказал, что немцы планируют дальнейшее наступление.

Сталин утвердительно кивнул:

– Я знаком с этим материалом. Этому направлению боевых действий Ставка придает большое значение, а поэтому я должен лично выехать на место и увидеть, что там происходит на самом деле. Что вы скажете, если я вам дам поручение подготовить спецпоезд и в дальнейшем сопровождать меня на Западный фронт и Калининский?

– С радостью выполню ваше поручение, товарищ Сталин, – охотно откликнулся комиссар государственной безопасности второго ранга Серов. – Товарищ Сталин, можно задать вам вопрос?

– Задавайте.

– Почему вы не хотите поручить ваше сопровождение товарищу Власику? Ведь он руководит вашей личной охраной.

– Из соображений конспирации... О моем отъезде на фронт будут знать всего лишь несколько человек, для всех остальных я по-прежнему остаюсь в Москве. Ведь все привыкли к тому, что где Власик, там и товарищ Сталин. – По губам Верховного скользнула мягкая улыбка.

Комиссар Серов невольно напрягся, распрямившись чуток. На плечи ложилась большая ответственность. Серову было известно, что товарищ Сталин редко выезжал на фронт, сам он мог припомнить лишь только два таких эпизода, не задокументированных кинохроникой, имелись фотографии, хотя в действительности их могло быть больше. Три таких снимка имелись в его собственном архиве. Причем сфотографировал товарища Сталина Власик, являвшийся и его личным фотографом.

Первая фотография была датирована июлем сорок первого года, когда Иосиф Виссарионович выдвинулся по Михайловскому шоссе, где переночевал в небольшой деревенской избе. На снимке был запечатлен бронированный «Паккард» Верховного. Рядом стоял товарищ Берия и отдавал какие-то распоряжения двум подошедшим офицерам. Снимок всецело передавал обстановку на фронте: лица офицеров напряжены, озабочены, в глазах усталость. На второй фотографии был отмечен эпизод выезда Сталина на левый берег реки Угры в район Юхнова. Иосиф Виссарионович стоял в сопровождении немногочисленной охраны и командующих. А вот на третьей фотографии он рассматривал карту районных военных действий. Было видно, что разговор случился где-то в тенистом дворике. В небольшом отдалении стояла полуторка, в кузове которой сидели три красноармейца и два офицера из охраны Сталина.

Иван Серов подавленно молчал, не смея поделиться обременительными сомнениями: «Нужно ли ехать Верховному главнокомандующему в штабы фронтов по дорогам, разбитым разрывами снарядов, развороченным гусеницами танков, где в прифронтовых советских тылах продолжают оставаться недобитые элементы и шастают диверсанты. К чему подвергать себя смертельной опасности?»

Но Серову было известно, что Сталин тщательно продумывал каждое свое решение, значит, в рискованной поездке существовал некий глубинный смысл, о котором он даже не подозревал.

– Теперь мне все ясно, товарищ Сталин. А знает ли о предстоящей поездке товарищ Берия?

– У товарища Берия сейчас очень много работы, я бы не хотел его отвлекать. Думаю, что с этим заданием вы справитесь без его содействия... А о своем решении я ему скажу... за день до отъезда. И еще вот что, состав должен быть старый, неприметный. Такой, на котором я разъезжал в Гражданскую близ Царицына. К роскоши я не привык, – улыбнулся Сталин. – Как-нибудь доберусь и на старом. Главное, чтобы ехал. Даю вам два дня на подготовку.

– Разрешите исполнять, товарищ Сталин?

– Идите, – сказал Сталин, подняв со стола курительную трубку.

Глава 2

31 июля. Руки в гору!

Планер, преодолев на большой высоте линию фронта, пошел на снижение. Через иллюминатор Михаил Свиридов видел, как в стороне, в нескольких километрах от предполагаемого места высадки, вспыхнул костер, ярко осветив вспаханное поле, и тотчас погас. Дважды куда-то в темноту шарахнули зенитки, блеснув огнем, а затем на землю вновь навалился тяжелый мрак.

– Пора, – сказал механик, посмотрев на парашютистов, и распахнул дверцу планера. В просторный салон тотчас ворвался поток холодного воздуха. – На выход!

Свиридов поднялся со скамьи и подошел к самому краю. Земли не видать, одна лишь беспросветная темень, которая не имела ни начала ни конца. Оттолкнувшись, он упал в свободное падение, почувствовав, как сильный ветер треплет его кожу, раздирает лицо. Дернув за кольцо, услышал, как с сильным хлопком раскрылся парашют, невольно ощутив рывок. Некоторое время Михаил Свиридов просто наслаждался полетом, потом поле, казавшееся всего-то небольшим пятнышком, стало стремительно приближаться. На краю пашни стоял какой-то длинный барак, невольно приковавший внимание. Михаил Свиридов совершал уже двадцать седьмой прыжок, но всякий раз опасался смотреть вниз, полагая, что расшибется. Согнув ноги, он ощутил несильный удар и завалился в высокую колючую траву. Увидел, как в черноте неба раскрылись еще четыре парашюта и, подхваченные ветром, были тотчас отнесены в лес. Придется достаточно порыскать, чтобы собрать всю группу. Отцепив стропы, Свиридов собрал парашют и припрятал его под кусты, старательно забросав травой.

Осмотрелся, как будто бы никого. В десяти километрах раскинулось село Покровское, где размещался штаб Тридцатой армии. Осталось только разыскать остальных и вместе двигаться дальше. Если не произойдет ничего непредвиденного, то к вечеру подойдут на место и будут готовы к выполнению поставленной задачи.

Стараясь не ступать на взрыхленную землю, Свиридов вышел на проселочную дорогу и заторопился в направлении предполагаемого приземления группы. Некоторое время он шел вдоль оврага, поросшего густым орешником, а потом завернул в лес. По его предположению, парашютисты должны были двинуться ему навстречу, однако его всюду окружала тишина. На душе сделалось тревожно. Уже минут сорок он бродил, продираясь через густые заросли, но все безрезультатно. Похоже, что группу разбросало в разные стороны на приличное расстояние, чего нередко случается при десантировании, и собраться вместе будет сложно.

Вышел на поляну, выглядевшую посредине густого леса всего лишь светлой проплешиной, и тотчас боковым зрением уловил с правой стороны от себя какое-то неясное движение. Точнее, это была тень, выпрыгнувшая из леса. Рука, приученная к рефлексам, тотчас легла на кобуру, но в следующую секунду Михаил Свиридов услышал негромкий голос:

– Товарищ старший лейтенант.

Повернувшись, Свиридов увидел радиста Ерофеева.

– Ты неожиданно появился, – с некоторым облегчением проговорил Свиридов. – Я бы мог тебя пристрелить... товарищ младший сержант.

Свиридов сам подбирал людей на предстоящее задание, а потому ознакомился с делом каждого. Из личного дела Ерофеева следовало, что его настоящая фамилия Храпов. Звали Алексеем. В плен он попал в феврале сорок второго года. Три месяца содержался в лагере для военнопленных в Сувалках, где изъявил желание сотрудничать с абвером. Впоследствии его перевели в разведшколу, в живописное местечко близ Бреславля. Разведшкола, размещавшаяся в старинном замке, была на особом счету и готовила диверсантов и радистов для при-

фронтовых районов и глубокого тыла Советского Союза. А потому каждый третий из агентов проходил тщательную проверку. Руководящий и преподавательский состав школы состоял из белоэмигрантов, люто ненавидящих советскую власть. Большинство из них были сотрудниками контрразведывательного подразделения абвера. Алексей Храпов сумел доказать, что ненавидит советскую власть и искренне желает служить великой Германии, показав при этом невероятное прилежание в учебе (в группе радистов из пятнадцати человек он был лучшим). После трехмесячного обучения он был направлен в свою первую краткосрочную командировку в Ленинград, за что получил первую медаль. Вторая командировка – в Смоленск, о деталях которой не было сообщено даже ему, начальнику группы. Именно за нее в подразделении «Абвер-103» Храпову торжественно и перед строем начальник группы Корзак вручил «Железный крест».

Сейчас для него это была третья командировка.

За спиной Храпова был ранцевый советский всеволновой приемник. В отличие от немецких он был побольше и потяжелее, но мало чем уступал по техническим характеристикам. Так что в последние месяцы советские конструкторы сильно преуспели в радиоделе.

– Я тут прошел по окрестностям, но никого из группы не увидел. Наверное, они уже ушли из этого района.

– Скоро светать начнет, – скрывая раздражение, произнес Михаил Свиридов.

В этой командировке как-то сразу все пошло не так.

Неладное началось еще на взлетном поле, когда ведущий самолет принялся буксировать планер. Канат, зацепившись о торчавший из земли крюк, тотчас порвался, и запланированный вылет пришлось перенести еще на полтора часа, чтобы уладить недостатки. Уже пролетая над линией фронта, их самолет в нагромождении туч сумели разглядеть русские зенитчики и нещадно принялись обстреливать. Так что от близких разрывов его так сильно трясло, как если бы он угодил в какую-то внепогожую турбулентность. А далее, уже подлетая к месту десантирования, пришлось огибать грозное облако, которое просто кишело сверкающими молниями. А венцом злоключений стало то, что при десантировании ветер расшвырял группу на несколько километров, не дав возможности встретиться.

– Начнет, – согласился радист.

– Чего стоишь? Иди в лесок и распаковывай рацию, нужно передать радиосообщение в центр.

* * *

Было около двух часов ночи, когда сторож Михалыч, закинув карабин на плечо, вышел из будки, чтобы выкурить «козью ножку». Так он поступал всегда, когда его клонило ко сну, а так как ночи были длинные, то выходил он довольно часто.

Выкуренный самосад обычно заряжал его бодростью, и Михалыч вновь топал по установленному маршруту: сначала обходил по периметру продовольственный склад, растянувшийся на трех гектарах, затем шел вдоль деревянного забора, огораживающего территорию, и возвращался к сторожевой будке.

В этот раз все было обычно, ну, может быть, ночь немного потемнее, чем в прошлые дни, – небо заволкло тучами, через которые скупо пробивался лунный свет, но погода всецело соответствовала середине лета: днем донимал зной, а вечерами допекала духота.

Догнав до скамейки, устроенной у самого входа на склад, он не без удовольствия вытянул старые натруженные ноги и, в предвкушении от сладости ядерного табачка, привычно и умело скрутил самокрутку. Вдохнул широкими ноздрями табачный дух и аккуратно, стараясь не просыпать даже крошки, с противоположного конца «козьеи ножки» свернул бумагу, после чего запалил ее огоньком от трофейной зажигалки.

Этот момент был самый сладостный. Поначалу бумага горела небольшим красным огоньком, который, добравшись до табачка, раздуваемого воздухом, начинал искриться и слегка потрескивать, наполняя легкие едким дымом.

Первая затяжка подняла настроение, отогнав накатывающий сон. Михалыч хотел было вдохнуть второй раз, как вдруг услышал негромкий нарастающий гул самолета и в следующую секунду увидел на небольшой высоте пролетающий над лесом самолет. Еще через несколько секунд от его фюзеляжа отделилось несколько парашютистов, и вскоре они, отнесенные ветром, скрылись где-то в глубине леса.

– Ну и дела, – невольно вымолвил старик.

Не докурив самокрутку, он заковылял в сторожку. Набрал телефонный номер местного отделения НКВД и стал ждать.

– Дежурный по управлению контрразведки СМЕРШ Тридцатой армии Западного фронта старший лейтенант Романцев, – услышал Михалыч молодой задорный голос.

Заметно волнуясь, представился:

– Это Михалыч звонит, тут такое дело...

– Какой еще Михалыч? – прозвучал раздраженный ответ.

– Николай Михайлович Журавлев, сторож продовольственного склада в селе Покровское, – несколько удивленно отвечал старик. – Тут такое дело... Самолет над складом пролетал, парашютистов сбросил. Диверсантов, наверное.

– Вы ничего не путаете? – переспросил встревоженный голос.

– А чего тут путать-то? Чай, не слепой. Да и в добром разуме. А потом, неужто я парашютистов-то не признаю.

– Будьте на месте, сейчас к вам подъедет оперативно-разыскная группа, – взволнованно произнес дежурный.

– А куда мне еще подеваться-то? – усмехнулся старик. – Все-таки на работе нахожусь.

* * *

Выслушав сбивчивый рассказ свидетеля, Романцев (дежурный по управлению) тотчас доложил о происшествии полковнику Мишину Валерию Николаевичу (начальнику контрразведки СМЕРШ Тридцатой армии), находившемуся в соседней комнате.

Выслушав доклад, полковник тотчас поднял трубку телефона и позвонил председателю Молотовского районного совета, куда входило село Покровское.

– Севастьянов? Глеб Викторович?

– Он самый. А кто спрашивает?

– Это полковник Мишин говорит.

– А-а, здравия желаю, Валерий Николаевич, – отвечал председатель. – Что-то случилось?

– Случилось. В районе села Покровское выброшена группа немецких парашютистов. Немедленно к месту происшествия направить оперативные группы. Кто там у нас старший в истребительных батальонах по линии вэкапэбэ?..

– Товарищ Бородачев...

– Очень хорошо. Пусть поднимает всех своих людей, одним батальоном тут не обойтись. Пускай возьмут под контроль все близлежащие магистрали, проселочные дороги и развязки. Пусть тщательно прочешут местность, не пропуская ни один куст, ни одну траншею. Даю вам сутки, чтобы выловить диверсантов.

– Будут какие-то дополнительные инструкции?

– Инструктировать его дополнительно не нужно, человек он опытный, сумеет разобраться сам. Пусть задерживают всех подозрительных, если возьмут не того, кого нужно,

ничего страшного. В этом случае лучше проявить повышенную бдительность, чем пропустить диверсантов. Все! Встретимся на месте.

* * *

В раннее утро полковник Мишин подкатил на черной потрепанной «эмке» к продовольственному складу. Его встретил невысокого росточка, но очень крепенький дедок лет шестидесяти пяти. Признав в полковнике, вышедшем из автомобиля, высокое начальство, он невольно поднялся с лавки, смело и с прищуром посмотрел ему в лицо.

– Мишин, полковник ГБ, начальник отдела контрразведки СМЕРШ Тридцатой армии, – представился Валерий Николаевич. – Это вы видели парашютистов?

– Именно так, – охотно отозвался старик. – Самолет во-он оттуда прилетел, – махнул он в сторону леса, над которым уже воспарила утренняя дымка. – Уж больно тихо он объявился, вроде бы из ниоткуда! Я когда моторы-то услышал, он у меня уже над головой был.

Полковник ГБ Мишин стоял напротив, заложив руки за спину. Яловые сапоги, собранные в мелкую складку, были тщательно начищены, и, несмотря на грязь, на высоких голенищах не было ни пятнышка.

– Можете вспомнить, сколько их было человек?

– Дык... Кто же его считал-то? – искренне подивился старик. – Они как посыпались из самолета, так половину неба закрыли. А потом их туда отнесло, за лес. В сторону поля.

– А что дальше было? – попытывался Мишин.

Старик лишь пожал плечами:

– А что дальше-то?.. А ничего не было. Я потом позвонил начальству, сказал, что шпиёнов увидел. А уж опосля дальше территорию стал обходить.

– Может, вы что-нибудь потом заметили, может, кто-то мимо проходил?

– Ничего, мил человек, не видал, – несколько виновато произнес старик. – У меня ведь свое хозяйство имеется, – показал он на помещение склада. – За него душа болит. Тут в оба глаза смотреть нужно. Если что не так, так с меня первого шкуру снимут.

Полковник Мишин понимающе кивнул. Вряд ли со старика можно выжать больше, чем он уже поведал.

– Если что-нибудь еще вспомните, дайте знать, – сказал Мишин и, попрощавшись, зашагал к автомобилю.

– Куда теперь? – спросил молодой сержант-водитель, посмотрев на задумавшегося хозяина.

– Видишь кромку леса? Езжай туда! А там посмотрим по обстоятельствам.

«Эмка», пыхнув небольшим облачком гари, выехала с территории склада и, поскрипывая всеми частями своего металлического тела, направилась по проселочной дороге в сторону леса.

Обычно распоряжения военной контрразведки местными властями исполняются незамедлительно. Сегодняшний приказ не являлся исключением. Уже подъезжая к Покровскому, отметил, что истребительные батальоны перекрыли четыре основные дороги, примыкающие к селу. Немало было людей и на подступах к лесу.

Впереди, метров за триста от поселка, была организована застава из десяти человек. Рядом стояла старенькая «трехтонка» – основной транспорт заградительных отрядов. Личный состав заставы состоял из людей уже немолодых, не подлежавших первоочередному призыву, а потому и одеты они были по-разному: отслужившие предпочитали галифе и сапоги; иные – рабочие штаны, которые не жаль было ободрать на добровольной службе. Единственное, что их отличало от гражданских, так это оружие, которое они держали уверенно и грамотно, что выдавало в них людей, обученных военному делу. Вооружение тоже было разным: у большинства карабины; несколько человек имели револьверы; немного в сторонке, под присмотром

крепкого розовощекого молодца, на сошках стоял «максим», а вот у долговязого парня с пышными пшеничными усами, по всей видимости прикомандированного к отряду из райкома, у пояса в деревянной кобуре болтался «маузер».

Полковника Мишина, несмотря на представительскую машину «ГАЗ М-1», остановили: на дорогу вышел дядька лет сорока пяти и, небрежно колыхнув автоматом, указал рукой на обочину, куда следовало подъехать.

– Тормози, – распорядился Валерий Николаевич, – еще не хватало, чтобы пальнули.

Сержант, тряхнув русым чубом, охотно повиновался. Полковник приоткрыл окно и стал наблюдать за долговязым парнем с «маузером», быстро приближающимся.

– В чем дело? – спросил полковник.

– Командир первого истребительного батальона Вяземской области Васильев, – представился подошедший, вежливо и требовательно потребовал: – Предъявите ваши документы, товарищ полковник.

– Охотно. – Вытащив удостоверение, на котором крупными тисненными буквами было написано СМЕРШ, Валерий Николаевич сказал: – Полковник Мишин, начальник военной контрразведки СМЕРШ Тридцатой армии.

– Можете проезжать, – удовлетворенно кивнул старший.

– Кого стережете?

– Немецких парашютистов.

– Ты мне вот что скажи, – произнес полковник, спрятав удостоверение в нагрудный карман френча. – Как давно вы тут стоите?

– Немногим более двух часов. Как нас по тревоге подняли, так мы сразу сюда.

– А где еще стоят ваши люди?

– Мой батальон перекрыл дороги к районному центру, а остальные сейчас прочесывают лес. Может, там кого-нибудь найдут.

– Ничего такого подозрительного не заметили?

– Ничего. Людей-то сейчас мало, в основном бабы. Но они как бы не в счет. Поселковые все. Наверное, диверсанты где-то в другом месте. А может, затаились где.

– А у того лесочка кто стоит? – показал полковник на темную полосу ельника.

– Там четвертый батальон.

– Ладно, разберемся... Вы тут построже. Проверяйте документы у всех. Особое внимание обращайтесь на военных. Хотя, чего это я вас учу? Вы сами все не хуже меня знаете. Поехали, Степан!

Сержант охотно притопил газ, и «эмка» заколесила по раскисшему чернозему. По днищу злобно заколотили комья грязи. Выехали к окраине леса, на котором стояла группа офицеров и что-то разглядывала под ногами. На обочине стояла крепко потрепанная полуторка с деревянными, выкрашенными в черный цвет бортами, подле которой курил молодой водитель и что-то сосредоточенно ковырял в земле носком сапога.

– Что тут у вас? – спросил подошедший Мишин.

– Кое-что нашли, товарищ полковник, – отвечал старший лейтенант Романцев, возглавлявший оперативно-разыскную группу. – В лесу под бурелом было запрятано четыре парашюта, и еще два отыскали вон в том овражке, присыпанные землей.

– Выяснили, сколько было парашютистов?

– Не менее пятнадцати. Отыскался еще один свидетель, местный житель, вот он и рассказал.

– И что он делал здесь в такой поздний час?

– Возвращался с насосной станции, работал в третью смену.

– Куда ведут следы?

– В сторону главной дороги. Наверное, направляются в Вязьму.

– Чего же им нужно в городе-то? – обескураженно протянул полковник. – Там такая рубка была, что целого здания не найти. Каменные дома все взорваны, а деревянные сожжены! А они опять туда все лезут!

– Возможно, их интересует железная дорога Москва – Вязьма. На этом направлении сосредоточены военные части.

– Все так, – устало согласился полковник Мишин, – а потому ты должен землю носом рыть, а всех этих диверсантов изловить в течение суток. Задачу понял, старший лейтенант, повторять не нужно?

– Так точно, товарищ полковник, – слегка распрямылся старший оперуполномоченный.

Старший лейтенант Романцев был молод, не более двадцати пяти лет. На выцветшем кителе два ордена Красного Знамени. Черноволос. С небольшой седой прядкой на челке. Крупные карие глаза смотрели прямо, безо всякого смущения и чуток строго. В военной контрразведке служил практически с начала войны. Повидал всякого. Но никогда не забывал о том, что контрразведчик, настоящий армейский чекист. От опасности не уклонялся и, если требовала обстановка, воевал как простой солдат. В июле сорок первого под Киевом, когда после одной из вражеских атак был убит командир роты, он возглавил подразделение, точнее то, что от него осталось, восемь человек, и сумел удержаться на позициях еще двое суток до прибытия подкрепления. Лично подбив при этом танк. Именно за этот подвиг получил первый боевой орден. Так что ему было что рассказать и чем поделиться. Уж такого молодца передовой не напугаешь, а свое дело он знал исправно.

Осознав, что невольно погорячился, полковник Мишин продолжил, поумерив суровую тональность:

– Ладно... Ты парень с головой, свое дело тоже знаешь, работай! Как только будут первые результаты, немедленно доложить.

– Есть!

* * *

Сев в машину, Мишин заколесил по разбитой снарядами дороге. Машина, проявляя завидную изворотливость, объезжала многочисленные рытвины, воронки от снарядов. В одном месте, где колею слегка развезло гусеницами, машина завязла. И, казалось бы, надолго. Но вскоре, преодолев препятствие, «эмка» заторопилась далее, слегка забрасывая задок на глинистой развезженной почве.

Едва полковник Мишин отъехал, как старший лейтенант тотчас принялся изучать следы от сапог. Они были свежие, человек здесь прошел часа два назад. Отпечатки не успели оплыть, границы четко обрисованы, во вмятинах собралась влага, выпавшая за последние полтора часа. Присев на корточки, Романцев всмотрелся в отпечаток: подошва не изношенная, по контуру носка крохотные точки – отметины от набоек. Сапоги немецкие – только у них подошва прибивается гвоздиками.

Старший лейтенант разогнулся и посмотрел на старшину Захарчука, взиравшего на него в ожидании.

– Посмотрел, куда ведут следы?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Ведут в сторону поселка Покровское, как раз на пути к Вязьме. Дальше все раскисло и развезжено, не было возможности их проследить.

В поселке Покровское располагалась седьмая пехотная дивизия Тридцатой армии. Лучшего места, чтобы спрятаться, трудно было подыскать. С хорошими документами затеряться среди военных диверсанту не составит большого труда.

– Он где-то поблизости. Не думаю, что ему удастся выехать куда-то на машине. Для этого у него просто нет времени. Значит, будем искать! Одного поймем, а там и всех остальных достанем. Никуда не уйдут! Чего стоим? Давай в машину!

Водитель поспешно бросил окурочку и, распахнув дверцу полуторки, юркнул в кабину. Рядом, сильно хлопнув дверцей, устроился Тимофей Романцев. Отделение автоматчиков, стуча каблуками по металлическому кузову, расположилось на скамейке вдоль бортов.

– Езжай к поселку, – распорядился старший лейтенант. – Вот только не по этой дороге, она вся разбита, попробуй через лесок, там как-то поспокойнее, что ли. А потом свернешь к полю, вот через него и покатым.

Груженная полуторка задребезжала разболтанным металлом и покатила по проселочной дороге. В одном месте грузовичок ухнул в глубокую яму, заставив автоматчиков, сидевших в кузове, невольно крикнуть. Потом заскрежетали шестерни, мотор заурчал и, поднабравшись силенок, натужно преодолел глинистый склон.

Дорога была фронтовой. Всего-то пять месяцев здесь отгромыхали пушки за Ржевский выступ, который солдаты называли по-простому – «Ржевской мясорубкой». Однако следы прошедшего сражения были свежи и встречались по обе стороны дороги. На васильковом поле, просматривавшемся сквозь деревья, уткнув ствол в землю, показался немецкий танк «Т-4» с порванными гусеницами. По другую сторону привольно раскинулось минное поле, о чем свидетельствовали таблички, закрепленные на деревьях. Пока еще не до него... Немного поодаль виднелись две пушки с раздутыми стволами. А метров через сто – целая гора из немецких касок.

Заметив направленный взгляд старшего лейтенанта, сержант охотно пояснил:

– Тут прежде немецкое кладбище было. А когда немцы отступали, так они его просто вспахали. А вот эти каски уже кто-то после них выложил. Наши, наверное... Нам металл для победы нужен.

Въехали в поселок, подчиненный строгой военной дисциплине. У складов нес службу строгий караул, пристально всматриваясь в каждого проходившего; у штаба дивизии припарковались два «Виллиса», а за огородами, на небольшом истоптанном пяточке, там, где местная детвора играла в футбол, какой-то ретивый капитан гонял строевым шагом прибывшее молодое пополнение.

Трое солдат, располагая свободным временем и, видно, по собственной инициативе, соскучившись по крестьянскому труду, подправляли покосившийся плетень на радость молодой хозяйке. Еще двое латали крышу, энергично постукивая молоточками по гремучей мятой жести. По их расслабленным лицам было видно, что работа пришлась по душе. Руки, отвыкшие от гражданской работы, сами тянулись к молотку и гвоздям.

– Машину где-нибудь здесь останови, – показал Романцев на старенький «Студебеккер», стоявший рядом с повозками полкового обоза. – Пройдусь немного по поселку. Расспрошу людей, может, кто-нибудь что-то и видел.

Водитель аккуратно притерся к «Студебеккеру» и энергично выскочил из кабины.

– Ну, чего сидим? – строго посмотрел старший лейтенант на автоматчиков. – Вы четверо пойдете со мной, а остальные со старшиной.

Бойцы расторопно попрыгали с кузова.

– Вы думаете, что он здесь, товарищ старший лейтенант? – с надеждой спросил подошедший старшина.

– Я ничего не думаю, Захарчук. Но наша задача заключается в том, чтобы проверить все, и мимо этого поселка пройти мы не можем. Поселок большой, за полчаса его не обойдешь. Давай сделаем вот что, ты идешь по этой улице. Затем направо, огибаешь поселок и выходишь к водокачке. Видишь ее?

– Так точно!

– У всех подозрительных спрашиваешь документы. Стеснения тут неуместны. Ищем врага!

– Я все понимаю, товарищ старший лейтенант, – быстро отозвался Захарчук.

– А я пойду с другой стороны, вот по этой улице, – показал старший лейтенант Романцев на широкую дорогу, засаженную по обе стороны тополями. – Встречаемся предположительно через два часа. Спешка тут ни к чему.

Разделившись, зашагали каждый в свою сторону.

Поселок сильно потрепало войной. Всюду, куда ни кинешь взгляд, попадались разрушенные строения. На дорогах видны следы от воронок. Даже засыпанные песком и крепко утрамбованные, они продолжали проседать, создавая неудобства для машин. Гражданских немного, в основном женщины и малолетние дети. Каждый был занят каким-то своим делом: женщины копошились на огороде, а ребяташки постарше, заменяя ушедших на фронт отцов, что-то мастерили по хозяйству. У одного из домов Тимофей заметил молодую мамашу, не более девятнадцати лет, с младенцем на руках. Ну чем не Вяземская мадонна! Заметив пристальный взгляд молодого офицера, девушка едва улыбнулась, вот только через эту улыбку просматривалась глубокая печаль. А потом неожиданно прошла в дом, плотно прикрыв за собой дверь.

Солдаты, каким-то невероятным образом признав в Романцеве сотрудника военной контрразведки, почтительно расступались, провожали его настороженными взглядами. Спину от этих взглядов не жгло, привык. У каждого своя работа, приходилось принимать решения, весьма непопулярные в солдатской среде.

Неожиданно улицу пересек капитан с эмблемами летчика на петлицах. Внутри у Романцева невольно замерло от предчувствия, подобное случается редко. Шестым чувством он осознал, что это именно тот человек, которого они ищут. Офицерское обмундирование сидело на нем безупречно, было видно, что он умеет носить военную форму, и она необыкновенно шла к его суровому молодому лицу.

– Будьте готовы, берем этого капитана, – негромко предупредил Романцев сержанта, шедшего рядом.

Не дожидаясь ответа, Тимофей слегка прибавил шаг, стараясь, как и прежде, выглядеть беспечным. Капитан уже заприметил их боковым зрением, не мог не отметить убыстряющего шаг офицера, шедшего первым, но продолжал, слепив постное лицо, топтать к перекрестку. Через несколько секунд он повернет за угол дома, за которым его невозможно будет проконтролировать. Он может оказать сопротивление, и тогда легко можно будет напороться на пулю.

– Товарищ капитан, – нарочито громко произнес Романцев.

Сделав еще пару шагов, капитан повернулся и в недоумении вымолвил:

– Это вы ко мне обращаетесь, товарищ старший лейтенант?

Тимофей Романцев в сопровождении автоматчиков подошел к капитану. Красивое, с правильными чертами, лицо летчика выражало полнейшую безмятежность. Ничего похожего на смятение или испуг. Вот разве что некоторое удивление. Но оно к месту.

– К вам.

– Мы с вами где-то встречались? – заинтересованно спросил капитан.

– Не встречались... Военная контрразведка СМЕРШ, старший лейтенант Романцев, – продемонстрировал Тимофей удостоверение. – Покажите ваши документы.

– Ах вот оно что... Пожалуйста, – охотно отозвался капитан и, сунув руку в карман, вытащил военный билет.

– Значит, летчик-истребитель Пономарев Степан Михайлович, – внимательно пролистал военный билет Романцев.

– Точно так, – усмехнулся капитан. – А вас что-то смущает?

– Командир эскадрильи Двести шестого авиационного полка Сорок первой бомбардировочной авиационной дивизии... Ага... Командиром дивизии у вас был полковник Сироткин? – спросил Романцев. – Знаком с ним лично, легендарная личность.

– Точно так.

– А где вы воевали?

– В военном билете все написано... – Не дождавшись ответа, продолжил: – Встретил войну в Молдавии, потом продолжил на Украине, после переподготовки воевал на Кубани.

– А орден Ленина за что?

– За восемь сбитых самолетов.

– Ого как! За такое нужно Героя давать. Чего же не дали-то?

– Ничего, еще дадут. Война не закончилась.

Сложив военный билет, Романцев упрятал его в нагрудный карман гимнастерки.

– Не понял, – удивленно произнес капитан.

– А что вы здесь делаете? Аэродрома тут поблизости нет.

– Планируем строить. Для этого меня и направили сюда. Командировочное удостоверение имеется, там все написано. Оно вложено в военный билет.

– Я видел, – безмятежно сказал Тимофей Романцев. – Думаю, что война для тебя уже закончилась, – прожег он капитана строгим взглядом.

Лицо капитана не изменилось – выглядело по-прежнему спокойным. Вот только в этот раз Романцев почувствовал страх, исходивший от капитана плотной и вязкой волной. Странное дело, но он даже ощутил его горьковатый вкус. Слегка кашлянув, как если бы хотел освободить от него носоглотку, процедил:

– Руки в гору! Сорвать с него погоны!

Подскочивший сержант с силой рванул капитанские погоны; жалобно треснула ткань гимнастерки.

– Вот так оно будет грамотнее.

– Что вы себе позволяете, товарищ старший лейтенант?! Я буду жаловаться вашему начальству!

– Гитлер для тебя товарищ... Вот только начальника дивизии полковника Сироткина не существует, а твое командировочное удостоверение полная липа! Сержант, обыщи его!

Сержант расторопно и привычно похлопал задержанного по карманам, извлек из кобуры пистолет. Осмотрел содержание полевой сумки.

– Кроме пистолета, ничего более нет.

– Давай сюда оружие... «ТТ». – Усмехнувшись, произнес: – Что же это тебе в абвере «вальтер» не дали? Или советские пистолеты понадежнее будут?

– Это ошибка, – произнес помертвелыми губами задержанный капитан. – Надеюсь, что очень скоро это ужасное недоразумение разъяснится. И вы меня отпустите... с извинениями.

– Разумеется, разъяснится, – серьезно отвечал Романцев, – а как разъяснится, так мы тебя к стенке поставим. Ну чего стоишь? Двигай вперед! Не век же мне с тобой лясы точить.

* * *

Штаб Тридцатой армии размещался в трехэтажном здании, в котором до войны находилась администрация района. Во время оккупации в этом же здании короткое время располагался штаб девятой немецкой армии генерал-полковника Вальтера Моделя. Поговаривали, что именно в этом доме на время обеда останавливался Адольф Гитлер на пути во Ржев. Так что здание было с историей. А там, где еще недавно размещался гитлеровский штандарт, теперь трепыхалось на ветру красное знамя.

У самого здания, выстроившись в шеренгу, в полном боевом снаряжении, с автоматами в руках, с поясными сумками и вещмешками, стояла рота новобранцев и терпеливо внимала речам коренастого майора, взиравшего орлом на прибывших. Похоже, что учебные мероприятия не откладывались даже в прифронтовой зоне и парням предстояло совершить марш-бросок с полной боевой выкладкой.

Предъявив удостоверение на входе караульному, старший лейтенант Романцев вместе с задержанным капитаном и автоматчиками прошли в штаб, где на первом этаже размещался отдел контрразведки Тридцатой армии.

Вошли в просторную комнату, почти пустую. Из мебели только стол, стоявший у стены, и расшатанный стул. На стенах струпами висели обои, придавая помещению еще более унылый вид.

– Садись, – указал Романцев задержанному на стул. Тот повиновался и в ожидании посмотрел на Тимофея. – Мне все ясно. Ты – диверсант. Твое дело будет передано в военную прокуратуру. Военные следователи – люди суровые. Разговаривать с тобой долго не будут, а я со своей стороны обрисую правильную картину. По закону военного времени за предательство родины и за сотрудничество с немцами тебя ждет расстрел! – Капитан сдавленно сглотнул. – Нам известно, что здесь ты находишься не один. В твоей группе было не менее пятнадцати парашютистов, и, при условии, что ты поможешь нам их найти, обещаю тебе, ты избежишь расстрела. Факт добровольного сотрудничества с военной контрразведкой будет отражен в твоём деле. Итак, я тебя слушаю... Долго ждать не собираюсь, мне еще твоих... коллег нужно отлавливать.

– Вы обещаете, что сохраните мне жизнь?

– Послушай, капитан... или кто ты там по званию в абвере... Я знаю, о чем говорю. Это в наших силах... Не ты первый и, к сожалению, не ты последний. Все зависит от того, насколько ты будешь с нами откровенен.

– Хорошо... Я расскажу вам все... Меня зовут Абрамов Вячеслав Игоревич. Я действительно капитан Красной армии. Служил в одиннадцатом кавалерийском корпусе полковника Соколова. Сразу хочу сказать, что сражался до последнего патрона. Дрался с немцами даже тогда, когда не было возможности. Потом попал в окружение, попытался вместе с такими же, как и я, пробраться к своим. Не получилось... Нас окружили ночью около одного небольшого лесочка и взяли в плен. – Говорил Абрамов негромко, делая длительные паузы. Было заметно, что разговор дается ему с трудом. Романцев не торопил и не перебивал, слушал внимательно. – Вспоминаю одно большое поле, изрытое разрывами, через которое пришлось проползть... Так оно было покрыто трупами наших солдат в три слоя... Стояла жара, вокруг невыносимое зловоние, и вот чтобы выжить, нам приходилось ползти по этим трупам. Бабахнет иной раз, разорвется где-то рядом, там мы в мертвецов поглубже зарываемся, чтобы шальным осколком не зацепило. В лицо смрад, за шиворот черви заползают, а этого даже и не замечаешь, дальше ползешь... Вот такое было желание выжить, – в упор посмотрел Абрамов на старшего лейтенанта.

– Только ты мне тут на жалость не дави, – сурово посмотрел на него Тимофей. – Я тоже на многое насмотрелся. Не на печи лежал... А воевал как надо, родину не предавал! Я вот здесь сижу, а ты по другую сторону. Значит, ты враг – и разговор с тобой будет совершенно иной. Что там дальше было?

– Дальше, – обреченно выдохнул Абрамов. – Дальше был плен. Отвезли в Смоленский лагерь для военнопленных.

– Сколько вас там было?

– Трудно так сказать... Наверное, тысячи четыре. Но люди умирали каждый день. Кто от голода, кто от ранений...

– Когда начал сотрудничать с немцами?

– В этом же лагере был завербован Томасом Краусом, офицером абвера. После того как дал свое согласие на сотрудничество, меня перевели в Борисовскую разведывательную школу, как годного к оперативной работе. Проучился я там месяц, потом был переведен в Катынскую разведшколу.

– Она находится под Смоленском?

– Да. В двадцати трех километрах.

– Почему состоялся перевод?

– Там немного другие задачи. В Катынской разведшколе готовят для заброски в тыл советской армии – главным образом в центральные участки фронта.

– Что входило в программу обучения?

– Много чего... Техника добывания информации, изготовление подложных документов, большое внимание уделялось связи, способам маскировки, прыжкам с парашютом...

– О личном составе разведшколы и о его преподавателях мы поговорим с тобой попозже. А сейчас ответь на вопрос: сколько человек было в вашей группе?

– Пятнадцать.

– Кто у вас был командир группы и радист?

– По соображениям конспирации мне известны только их псевдонимы, под которыми они служили в абвере. У командира псевдоним Свиридов, а у радиста Ерофеев.

– Что за человек командир группы?

– Знаю, что этот Свиридов доверенное лицо самого адмирала Канариса. Не однажды побывал в советском тылу. Люто ненавидит советскую власть.

– Чем же ему так советская власть не угодила?

– Не знаю, у каждого по-своему как-то складывалось. Были в разведшколе и уголовники, и прибалты, и дети кулаков. Они тоже советскую власть не любят. У каждого какие-то свои счеты.

– У Свиридова есть какие-то особые приметы?

– Особые приметы не припомню, но он как-то косолапит.

– Какие задачи стояли перед вашей группой?

– Группа после приземления должна была разделиться на две части. В нашей шесть человек... Мы должны были узнать, где размещается штаб Тридцатой армии... и провести диверсию против высшего руководства армии.

– Так... Что было у другой?

– Случайно услышал, что они должны взорвать каких-то два стратегических моста, но какие именно, я не знаю.

– Где вы должны встретиться, если вам не удастся собраться после приземления?

– В селе Покровском на северной стороне. А после выполнения задания самостоятельно переходить через линию фронта в районе Семнадцатой стрелковой дивизии. Об этом должен будет сообщить радист. Там нас должны будут ждать. Ни обстрелов, ни боевых действий не будет.

Романцев посмотрел на часы. Время поджимало.

– Разговор на сегодня закончен. Увести задержанного.

Глава 3

31 июля. Город Обоянь. Радиопеленгаторный пункт

Первый радиопеленгаторный пункт располагался в небольшом городке Обояни в Курской области. Начальником пункта командовал лейтенант связи Леонид Никонов. Нацепив наушники, он вдумчиво вслушивался в эфир. В последние недели активно происходил радиобмен на немецкой стороне, что можно было связать с предстоящим наступлением группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Клюге. Подавляющее число сообщений исходило от радиостанций, обслуживающих немецкие гарнизоны и штабы фронтов, и радиотелеграфисты уверенно распознавали радистов по почерку, несмотря на то что они выходили в радиоэфир на различных частотах и нередко без позывных.

Этот день не стал чем-то необычным: места радиоэфира немцев были определены еще несколько дней назад, а те, что появлялись, находились вблизи линии фронта. Радиоразведчики аккуратно записывали сигналы, после чего в работу вступали дешифровщики. Неудобство дешифрования заключалось в том, что едва ли не каждую неделю немцы меняли шифр, и требовался настоящий талант, чтобы распутать немецкую радиограмму. Наиболее сложным был шифр радиограмм, исходящих из соединений девятой полевой армии генерал-полковника Моделя. Радиограммы представляли собой сложную группу цифр, объединенных в четыре столбца, где трудно было вывести хотя бы какую-то закономерность. Дешифровальщики бились над ними уже которую неделю, пытаясь отыскать ключ. Случалось, что радиограммы отправлялись открытым текстом, которые по прямой связи направлялись незамедлительно в штаб фронта. Чаще всего такие радиограммы несли лишь краткосрочную оперативную составляющую, актуальность которой исчерпывалась следующим часом.

Большой удачей радиопеленгаторного пункта последних дней был перехват радиосообщений между третьей танковой армией генерала танковых войск Рейнгардта и командующего четвертой полевой армией генерала пехоты Хейнрици. Криптографы сумели дешифровать радиограмму недельной давности и были близки к тому, чтобы распутать целостные данные и в остальных радиограммах. А из перехваченной радиограммы следовало, что немецкое командование намеревается перебросить две пехотные дивизии в район Смоленска, где Красная армия планирует нанести главный удар.

Лейтенант Никонов повернул ручку радиоприемника, переходя на короткие частоты, и тотчас уловил радиосигналы, которые не слышал прежде. За передатчиком сидел опытный радист: радиоволны звучали очень четко и проходили на предельной скорости. Антенная система уверенно принимала сигналы, определив местонахождение источника. Судя по всему, он находился неподалеку от села Покровское в густом, не расчищенном от мин лесу. Вслушиваясь в сигналы, в какой-то момент Никонов даже позабыл, что следует фиксировать каждый сигнал, а потом, раскрыв блокнот принялся записывать знаки. Когда радиоэфир был завершен, лейтенант всмотрелся в колонки цифр. По всей видимости, текст был большой и совершенно не носил какой бы то ни было закономерности. Его следует передать крепкому криптологу – пусть попытается взломать шифр. О том, что на территории Западного фронта действуют диверсанты, сомневаться более не приходилось. О перехваченной радиограмме требовалось немедленно доложить в штаб фронта, и лейтенант Леонид Никонов тотчас поднял трубку телефона.

* * *

Выслушав доклад начальника первого радиоразведывательного пункта, полковник Мишин тотчас отправил оперативно-разыскную группу в указанный лес, а сам направился к начальнику Тридцатой армии генерал-лейтенанту Владимиру Яковлевичу Колпакчи.

Генерал-лейтенант Колпакчи имел богатую биографию. Воевать начал еще в Первую мировую войну, где дослужился до унтер-офицера. Немногим позже участвовал во взятии Зимнего. В Гражданскую командовал полком, воевал с басмачами, участвовал в специальной командировке в Испанию. Неудивительно, что Отечественную войну он встретил при больших чинах, возглавив штаб Восемнадцатой армии. А в ноябре прошлого года был назначен командующим Тридцатой армии Западного фронта.

С командармом у Валерия Николаевича с первых же дней сложились деловые отношения. Ему был симпатичен этот крупный, уверенный в себе человек.

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант, – сказал Мишин, входя в кабинет командующего армией.

– Проходи, Валерий Николаевич, – живо отозвался Колпакчи, оторвав взгляд от разложенных на столе карт. – У тебя какое-то срочное дело?

– Так точно... Группа радиоразведки засекла передатчик, работающий близ поселка Покровское. Радист работает на высоких частотах и с хорошей скоростью, весьма опытный. В настоящее время наши криптологи пытаются подобрать ключ к радиосообщению.

– Та-ак... – озадаченно протянул командарм. – Что ты предпринял?

– На место передачи выдвинулась оперативная группа, но думаю, что радист не станет дожидаться, пока его арестуют. Но это еще не все, мы тут задержали немецкого парашютиста, и он признался, что в районе расположения Тридцатой армии находится не менее пятнадцати диверсантов. Мы перекрыли железнодорожные пути, выставили дополнительные блокпосты на шоссе и проселочных дорогах, прочесываем леса, проверяем заброшенные землянки, то есть все те места, где могли бы затаиться парашютисты, но пока все безрезультатно. Скорее всего, диверсанты просто растворились в массе солдат и ждут удобного случая, чтобы покинуть территорию.

– Ты знаешь, куда они должны двинуться и какие у них задачи?

– Они разделяются на две группы: у первой задачи подрыва двух стратегических мостов. Какие именно, нам пока неизвестно... А вот вторая группа должна провести диверсию против высшего руководства армии. И в связи с этим я бы посоветовал вам усилить вашу личную охрану.

– Со мной ничего не случится, – отмахнулся командующий армией, – меня и так хорошо охраняют. А вот подрыв мостов допустить никак нельзя. В этом случае наше наступление может существенно замедлиться... У тебя есть какие-нибудь предложения, чтобы их как-то по-быстрому изловить? – стараясь спрятать накапывающее раздражение, спросил генерал-лейтенант Колпакчи.

Появление диверсантов в расположении армии, да в преддверии грядущего наступления могло вылиться в большие потери. На глазах врага происходила дислокация воинских подразделений, усиление частей маршевыми ротами, подход новой бронетехники. А ведь все перемещения воинских соединений происходили в глубокой тайне и с усиленными мерами безопасности. Еще не хватало, чтобы все эти перемещения попали на стол немецкому генеральному штабу. Диверсантов следовало отловить в ближайшие часы!

– Имеются. В настоящее время все солдаты армии несут службу в полном боевом снаряжении...

Генерал-лейтенант Колпакчи пожал плечами, еще не понимая, куда именно клонил Мишин.

– И что? Ничего удивительного не вижу, мы должны быть готовы к любым неожиданностям. А потом у нас имеется информация, что немцы могут начать наступление в любую минуту.

– Но при них нет противогазов.

– Именно так, у нас нет никаких данных о возможной химической атаке... Собственно, немцы на это и не пойдут! В противном случае мы ударим в ответ более сурово, и потери с их стороны будут куда более ощутимы. Так что в нынешних условиях саперная лопата будет куда полезнее, чем противогаз.

– Я попросил бы вас отдать приказ, чтобы с сегодняшнего дня в течение трех последующих дней каждый солдат вне зависимости от того, где он находится и чем занимается, пусть даже если справляет естественные надобности, должен при себе иметь противогаз! Мы будем задерживать всех тех, у кого противогаза нет. Наверняка среди них будут растяпы, которые решили проигнорировать приказ командования, но будут и диверсанты, которые не могли слышать этот приказ и которых мы разыскиваем.

Широкий лоб генерал-лейтенанта резанула длинная морщина, губы плотно сжались.

– А знаешь, весьма дельное предложение, – наконец произнес Колпакчи. – Сейчас же отдам приказ по армии, чтобы каждый, невзирая на звание и должность, имел при себе противогаз... В связи с угрозой газовой атаки.

Закончив разговор, полковник Мишин сразу от генерал-лейтенанта Колпакчи направился в особый отдел армии, где, собрав подчиненных, рассказал о своем разговоре с командующим армии.

– Итак, приказываю, – строго произнес он, внимательно смотревшим на него офицерам. – Задерживать всякого военнослужащего, невзирая ни на должность, ни на звания, что появятся в местах расположения армии без противогаза. – Посмотрев на часы, добавил: – Через пятнадцать минут, максимум через полчаса, приказ Колпакчи доведут до каждого бойца армии, еще через сорок пять минут все будут с противогазами. Через пятьдесят минут приступить к выполнению приказа.

– Таких будет много, – произнес майор Хворостин, начальник особого отдела Двадцать девятой армии.

– Не страшно, в нашем распоряжении будет рота охраны... Если гауптвахта будет переполнена, зайдем охраняемое помещение. Разберитесь персонально с каждым конкретным случаем. Все, товарищи офицеры, приступайте к делу!

Глава 4

Село Покровское. Особист

Понемногу светало. Темень все более бледнела, освобождая из плена задремавшую природу. Совсем неподалеку и наперебой громко зачирикали какие-то крохотные пичуги.

Оставаться далее здесь было нельзя. Парочка военных, рыскающая по пустынному полю, может показаться весьма странной. Подобная беспечность – прямой путь в лапы советской контрразведки.

– Рацию запаковал?

– Да. А что дальше?

– Двигаем потихоньку в Покровское, а оттуда – в Вязьму. Документы у нас в порядке, не подведут! Остальных будем ждать на месте. А уж там решим, как поступать дальше.

Свиридов производил впечатление волевого бывало офицера: на правой стороне гимнастерки два знака за ранение: одно – тяжелое, другое – легкое. На левой стороне груди – планка с ленточками ордена Красного Знамени и медали. Взгляд спокойный, какой бывает только у людей, много повидавших и не разменивающихся на суету. Поправив сползший на сторону планшет и накинув на плечи вещмешок, спросил раздраженно:

– Ну чего стоишь? Потопали! Нам еще километров десять идти.

В селе Покровское должен быть барак для прибывающих военнослужащих, где они смогут передохнуть, привести себя в порядок и действовать дальше согласно «легенде». Так что Свиридов с полным правом мог рассчитывать на кратковременный отдых.

Вышли из леса и зашагали в сторону небольшой деревеньки. Война крепко прошлась и по ней. От церкви остался лишь белый с черными подпалинами остов; половина домов разрушена, а из покореженной земли клыкасто выпирали почерневшие печи.

– Что за деревня? – спросил Храпов.

– Гнездище.

– Ну и названьеце!

Сокращая расстояние до деревни, пересекли поле, вспаханное разрывами артиллерийских снарядов. Всюду валялись болванки; белым цветом, будто бы обломки известняка, проступали из чернозема человеческие кости.

В деревне стояла небольшая артиллерийская часть. Гаубицы, направив стволы вверх, задиристо грозили небу. Подле них, не обращая внимания на случайных прохожих, сосредоточенно возились расчеты: проверяли на боеготовность, подтаскивали к орудиям ящики со снарядами, что-то ремонтировали в казенной части. Два расчета старательно проводили «туалет» артиллерийского орудия: чистку и смазку канала ствола.

По деревне распространялся сладковатый запах какого-то варева – подле походной кухни, стоявшей около узкого ручейка, юркий, как ящерица, и тонкий, как шомпол автомата, кашевар что-то усиленно размешивал на самом дне огромным половником.

Деревня все более оживала, и сейчас в самый рассвет можно было понять, что она куда более людная, чем могло показаться в сумерках. У огородов, неряшливо заросших колючим кустарником и репейником, стояло несколько самоходок и установок, прикрытых брезентом, подле которых несло вахту бдительное охранение из четырех солдат. На соседней улице, столь же беспорядочно заросшей, прятались пушки, туго затянутые в маскировочные сети. Неподалеку возвышался длинный барак, видно срубленный на скорую руку, еще попахивающий свежеструганными досками. Замаскированный длинными пихтовыми ветками, он совершенно не был заметен даже на расстоянии двух десятков шагов, терялся среди буйно разросшейся растительности.

– А они здесь всерьез расположились, – заметил Свиридов, осторожно поглядывая по сторонам. – А вот там, у леса, еще целая танковая рота спряталась, – показал он на густой дубровник в конце деревни. – Большевички к чему-то крупному готовятся. Уж не к наступлению ли?

Прошли по центральной улице, где царил обычная армейская жизнь. Ни суеты, ни праздности. Каждый был занят своим делом. В одном месте Свиридов невольно задержал взгляд – это был экипаж танкистов, натиравший швабрами почерневший от грязи танк. Пожалуй, что так трепетно заботливый хозяин моет свою лошадь-кормилицу. Где-то их можно было понять – танкисты народ суеверный, и всерьез считали, что груды бронированного железа имеет душу, а потому старались ее не обидеть и намыливали на совесть пенным мылом, подлезая в самые недоступные и сокровенные места; чистили ствол.

Молодые, дерзкие, с горящими глазами, они подшучивали друг над другом, отпуская ядреные и соленые остроты. Было видно, что ребята они дружные, сплоченные, словно единый механизм, – таковой скрепляется только под вражескими снарядами.

Засмотревшись на их загорелые тела, Свиридов не сразу заметил, как в их сторону направляется высокий капитан. Форма на нем была не новая, заметно побелевшая, какая бывает после многократной стирки, но хорошо отглаженная. А хромовые сапоги, собравшись в щеголеватую гармошку, отражали утренний свет. Штабист. И не просто штабист, а из особого отдела. Свиридов каким-то чутьем умел отличать их за версту, даже если их петлицы, как в данном случае, украшали танки.

Храпов беспечно пялился по сторонам, видно, подмечая информацию для предстоящей радиосвязи. Вот только радиоэфира может и не состояться...

– Не крути башкой, – не разжимая зубов, строго произнес Свиридов. – Впереди – особист. Держись спокойно.

Капитан шел неторопливо, сокращая каждым шагом расстояние между ними. Поздно было переходить на другую сторону, и оставалось лепить безмятежность. Михаил Свиридов очень надеялся, что не переиграет.

На первый взгляд во внешности капитана не было чего-то угрожающего или настораживающего. Напротив, он выглядел даже очень располагающим и добродушным: загорелое лицо со множеством веснушек; нос небольшой и курносый. Но Свиридов прекрасно осознавал, что его незлобивая внешность обманчива.

Особист остановился от них в двух шагах.

– Капитан Парамонов, особый отдел Двадцать четвертой танковой дивизии. Товарищ старший лейтенант, предъявите ваши документы.

– Мы похожи на диверсантов? – широко и обезоруживающе заулыбался Свиридов.

Напряжение неожиданно пропало. Пришла пора действовать, и вот теперь ни одного фальшивого шага, у этих особистов особый нюх. Их не проведешь.

Вытащив военный билет и направление на переформирование, Михаил протянул документы капитану. Тоже самое с показной ленцой проделал и Храпов.

– Радист? – неожиданно спросил капитан у Храпова.

– Так точно, товарищ капитан. Квалификация – радист второго класса. Буду работать на батальонной радиостанции, в батальоне связи.

Несмотря на добродушный вид, особист оказался серьезным. Отвечать не стал, лишь терпеливо пролистал военный билет. Внимательно изучил распоряжение на переформирование и, не заметив ничего подозрительного, одобрительно кивнул и вернул документы.

– Вы должны меня понять, враг сейчас повсюду, а вы, я вижу, люди здесь новые.

– Мы прекрасно понимаем, товарищ капитан, – упрятал Свиридов документы в гимнастерку. – Поэтому без обид... А до Покровского далековато, не подскажите? Нам сказали, что там отдохнуть можно. А то после госпиталя еще не совсем окрепли.

- Недалеко, пять километров, и будьте осторожны, – козырнув, офицер потопал далее.
- Чуть не влипли, – произнес Храпов, когда особист отошел на приличное расстояние.
- Рано нас еще хоронить, – буркнул невесело Михаил. – Мы еще тут повоюем!

Холодок в груди понемногу рассосался. Задыхалось полегче. Только сейчас Свиридов осознал, что встреча с капитаном из Особого отела не прошла для него бесследно.

– Нужно уходить отсюда, боюсь снова напороться на какого-нибудь ретивого служаку. В двух километрах отсюда небольшой лесочек есть, а в нем землянки. Давай пересидим там, пока все не уляжется. И в центр нужно передать радиограмму, сообщить про все эти приготовления. А ближе к полуночи двинемся дальше.

– А ты откуда знаешь об этих землянках?

– Год назад приходилось здесь бывать, – неопределенно произнес Свиридов, не вдаваясь в подробности. И несколько раздраженно, чего за ним не наблюдалось прежде, спросил: – Ну, чего застыл как истукан? Потопали!

Вышли из деревни и огородами по узкой заросшей тропинке направились в сторону оврага, на самом дне которого, разрушая глинистые берега, протекал голосистый звонкий ручеек. У самого устья оврага, подточенные весенним паводком, с размытыми корнями, произрастали три болезненные березки.

Одна уже почти зачахла, шелестя пожелтевшими листьями, а вот две другие, растопырив сильные гибкие корни, продолжали неистово цепляться за жизнь и буравить взрыхленную глинистую почву.

Михаил Свиридов спустился по едва заметной тропе, зашагал по самому дну оврага; поднялся на противоположный борт и вышел к неприметному со стороны распадку. Далее затертые временем три ступеньки, выложенные мелкими камушками, и немного повыше развороченных корней из мергелистого склона торчали толстые жерди. Под ними просматривался небольшой проем, замаскированный ветками, в котором не сразу можно было узнать вход в солдатскую землянку, верх которой для маскировки был уложен дерном.

– Вот она, родимая, – произнес Михаил Свиридов, в его голосе прозвучала теплота, неведомая ранее, – не однажды меня сберегла. Даже не думал, что вновь встретимся.

Свиридов протиснулся в узкий лаз и чиркнул зажигалкой, осветив стены, выложенные из бревен, вдоль которых стояли сколоченные нары.

– Вполне подходящее местечко, чтобы переждать несколько часов. Давай распаковывай свою шарманку, передадим в центр радиограмму.

Вытащив из вещмешка свечу, Свиридов запалил фитиль, брызнувший красным огоньком. На тесаных бревнах затанцевали кривые уродливые тени.

– Это я мигом, – засуетился радист.

Сняв с плеч рацию, он извлек антенну и, зацепив на нее небольшой груз, закинул на ветки березы, склонившейся в глубоком почтительном поклоне.

Свиридов вышел из землянки, присел на склон и, положив на планшет лист бумаги, написал сообщение.

Включив рацию, Храпов установил ее на нужную частоту. В наушниках прозвучали суперные шумы.

– Как у тебя там, все готово? – поинтересовался Свиридов.

– Все в порядке, – живо отозвался радист и настроил рацию на передачу.

– Держи, – протянул Свиридов лист бумаги. – Передашь вот это.

Взяв сообщение, Храпов прочитал: *«Доктору. Сильный ветер раскидал всю группу. Дальнейшими поисками заниматься было опасно, поэтому отправилась в Покровское. Оттуда пойдём к месту встречи в Вязьму. В деревне Гнездище обнаружили скопление военной техники, в том числе замаскированные гаубицы, длинноствольные пушки, а также танки последних образцов. Всюду охранение. Подразделения НКВД прочесывают близлежащие леса.*

В деревне у нас проверили документы, все обошлось. Документы надежные. Судя по тому, что происходит в округе, готовится какое-то широкомасштабное наступление. Макар».

Прочитав сообщение, Алексей Храпов удовлетворенно кивнул. Вытащив из мешка блокнот с шифром, быстро закодировал написанное. После чего, приладив к голове наушники, уверенно взялся за ключ и быстро передал радиосообщение.

– Что теперь? – посмотрел Храпов на Свиридова.

– Все, уходим! Сворачивай свою шарманку!

– Ты же сказал, что можно передохнуть.

– Не здесь, – хмыкнул Свиридов. – Нас уже запеленговали... В последнее время Советы очень сильно преуспели в радиоразведке. Отсюда в пяти километрах есть еще одно тихое местечко, вот там и переждем!

* * *

Заглянули на хуторок, встретившийся по дороге, где в одиночестве проживал общительный восьмидесятилетний дед Матвей; вот он-то и предоставил ночлег. В благодарность за две банки тушенки и шматок копченого мяса он выставил трехлитровую бутылку самогонки, мутной, вонючей, но невероятно крепкой. Так что уже после первого стакана Михаил Свиридов изрядно захмелел и с хозяином, воевавшим еще в Первую мировую, затеял спор, какая война труднее. Хозяин не без гордости извлек из комода две Георгиевские медали, полученные во время Брусиловского прорыва.

– Видал какво! Только на праздник надеваю.

– Ты, дед, припрятал бы свои медальки, – усмехнулся Свиридов. – В нынешние времена за них по головке не поглядят. Не в почете!

– Прятать не собираюсь, – буркнул невесело старик, – в шкапулке у меня лежат. А ежели кому-то я нужен, так вот он я, туточки!

– Не жалуешь ты советскую власть, дед, – усмехнулся Свиридов. – С чего это вдруг так? Вроде бы не из богачеев. Чем же она тебе не угодила?

– А чего мне ее любить? – буркнул старик, бросив на постояльца суровый взгляд. – В Гражданскую у меня один сын за белых воевал, а другой к красным подался... Война-то Гражданская уже давно закончилась, а они еще лет пятнадцать за чубы друг друга драли... Пока их обоих не забрали. – Неожиданно старик умолк, припомнив нечто такое, о чем не хотелось бы распространяться, тем более пришлым людям.

– И за что же их забрали? – спросил Свиридов.

– А кто его знает? – печально выдохнул дед Матвей. – В нынешнее время маршалов забирают, а мои-то для них и вовсе сорной травой будут. – Помолчав немного, продолжил: – Даже не знаю, живы ли они... А все еще на что-то надеюсь... Растревожил ты меня, мил человек, давай еще по одной, что ли, глядишь, и как-то полегчает.

– А внуки тебя навещают? – разлил Свиридов в граненые стаканы самогонку.

Храпов весь разговор помалкивал; по его лицу было заметно, что ему есть о чем погрузиться. Он лишь потягивал самогонку, закусывая ее мелко нарезанными огурчиками, выложенными на стол. И рассеянно пожевывал малость зачерствевший хлеб.

Выпили разом, единодушно крякнув. Затем энергично задвигали челюстями.

– Дед, а почему у тебя такая самогонка крепкая? – полюбопытствовал Свиридов. – Такой я не встречал, хотя выпивать самогоночку мне приходилось часто.

Трехлитровая бутылка, что господином стояла в центре стола, за разговором незаметно опустела наполовину.

Дед подошел к огромной печи, стоявшей в углу горницы, пошуровал высохшей от старости рукой где-то у самой трубы и вытащил кусок сала, завернутый в холщовую тряпицу.

Аккуратно отрезав несколько тонких кусочков, уложил их в небольшую металлическую миску. После чего тщательно завернул шматок и уложил его на прежнее место.

– Угощайтесь, – проговорил хозяин. – Вижу, что люди вы хорошие, так чего жилиться!

– Вот за это спасибо, дед! – обрадованно воскликнул Свиридов. Взяв тонкий кусок, он положил его на хлеб. Вдохнул аромат и старательно зажевал. – А хозяйка у тебя где? Что-то не вижу.

– Померла, – как-то пусто и безо всякой интонации отвечал старик.

Было заметно, что горе у него давнее и уже успело притупиться. Если что и оставалось в опустевшей душе, так только тоска, что всегда соседствует с одиночеством. – Как сынов забрали, так этим же летом ей занедужилось. Помаялась маненько, а потом преставилась.

Старик привычно поднял руку к желтому пергаментному лбу, хотел было перекреститься, но потом, глянув на Свиридова, смотревшего на него в упор, раздумал. Видно, посчитав, что для крестного знамения не самый подходящий случай.

– Значит, ты теперь один?

– Можно сказать, что и так. Забегает ко мне малолетний внучок. Иной раз дрова поколет. А так все один. – Помолчав, продолжал глухо, в простуженном голосе старика чувствовалась давняя обида: – Вот и хочу я тебя спросить, за что мне тогда советскую власть любить, ежели она всю мою семью под корень срубила?

Разлили еще по одному стакану первача. Столь же слаженно выпили. Сальцо оказалось весьма кстати – было нежестким, в меру соленым, с небольшими прослойками мяса. Зажевали дружно, нахваливая кулинарные таланты хозяина.

– Вот даже сейчас взять... Все дороги перекрыты за сотню верст отсюда! Ни машины не пропускают, ни беженцев, проверяют всех подряд! Вот к племяннику своему хочу съездить, он в селе живет, покалеченный с войны вернулся, так попасть к нему не могу.

– А чего это вдруг так строго стало? – осторожно поинтересовался Свиридов, накладывая тонкий кусочек сала на хлеб.

– А хрен его знает! – охрипшим голосом отозвался старик. – Вот ты грамотный человек, старший лейтенант, объясни мне... Я-то ничего не понимаю, но говорят, что какое-то важное лицо прибывает.

– А может, Сталин решил пожаловать? – пошутил Храпов, молчавший весь разговор.

Старик очень серьезно посмотрел на улыбающегося Храпова и строго заметил:

– А может, и Сталин. Кто ж его знает... Ты вот лыбишься, а в прошлом году к нам сюда Гитлер пожаловал... Так почему бы товарищу Сталину тут не быть? Место-то первостепенное!

– Так уж и Гитлер? – продолжал скалиться Храпов.

Рассуждения старика ему представлялись забавными.

– А я вот тебе говорю – Гитлер! Я его сам видел... как тебя! – продолжал горячо убеждать дед Матвей. – У нас тут в прошлом годе зимой какая-то артиллерийская часть стояла. Немцы все дома позанимали. В моей хате тоже немецкий капитан жил. Вот на этой табуретке, что ты сидишь, любил свой шнапс пить, – строго посмотрел на Свиридова старик. – И вот как-то я из дома выхожу, а там вдруг какая-то суматоха началась. Вдруг все чего-то забегали, забеспокоились. Я тогда еще подумал, уж не наших ли танков они боятся? Потом присмотрелся как следует, а у зенитной батареи толпа генералов стоит. Один из них, важный такой чин, что-то говорит другому, одетому во френч. Знаков различия на нем не было, в вот была фуражка с лайковым козырьком. А на верхней губе у него усики были, шириной в два пальца...

– И что там дальше было?

– А ничего и не было. Взял я пару поленьев со двора и в дом пошел. А они дальше потопали. А вот за тем, что с усиками, целая толпа генералов увязалась.

– Сказки ты, дед, балакаешь, но все равно, послушать тебя интересно. Но уж больно ты как-то о Гитлере весело рассказываешь, может, симпатию к ним какую-то имеешь?

– Нет у меня к ним никакой симпатии, – буркнул старик, стрельнув свирепым взглядом. – Я в германскую немцев бил, мог бы и сейчас бить, ежели бы здоровьице позволило... А то, бывает, так скрутит, что и не разогнуться.

За неторопливым разговором была допита бутылка. Сало с хлебом тоже подъели. Вроде бы делать больше было нечего. Без спиртного даже в такой теплый вечер становилось скучно.

– Пойдем спать, – сказал дед Матвей, поднимаясь со стула. – Я вам в горнице постелил, так что располагайтесь.

Когда за стариком закрылась дверь, Свиридов произнес:

– Завтра утром выходим. А сейчас давай спать. Утомил меня старик своими разговорами.

* * *

Попрощавшись с дедом Матвеем ранним утром, неожиданно вдруг расчувствовавшимся (он поочередно прижал каждого к своей тощей груди, а потом с пожеланием «желаю здравствовать» отпустил восвояси), вышли за околицу и бойко зашагали по дороге.

В сторону передовой пешим строем двигались маршевые роты. Как и подобает, шли полностью укомплектованные. Шинель в свернутом виде надета через плечо (обычно в скатке хранилась разная мелочовка). На пояском ремне с обеих сторон от пряжки закреплены подсумки на два отделения, здесь же подсумки для гранат. Позади к ремню прилажен холщовый продуктовый мешок. У правого бедра саперная лопатка и фляжка подвешены. Сумка с противогазом висела через правое плечо. В новом обмундировании, еще не успевшем даже запылиться, они топали из глубокого тыла в сторону передовой линии. Большая часть бойцов еще не нюхала пороха и была призвана для пополнения из запасных частей и истребительных батальонов.

По дороге, громыхая и разбивая гусеницами асфальт, двигались тяжелые танки; дребезжа, в колонне проезжали самоходно-артиллерийские установки. Гусеничные тягачи на специальных платформах буксировали зенитные гаубицы.

– Какая силища на немцев прет, – уважительно проговорил Свиридов, в очередной раз отступая в сторону, чтобы пропустить колонну военной техники.

– Думаешь, немец дрогнет? – просил Храпов.

– Не знаю, дрогнет он или нет, но знаю точно, что ему будет не сладко... Будет, что в радиোগрамме передать, – проводил он взглядом колонну танков.

– Свиридов, а что будешь делать, если немцы проиграют? – спросил Храпов.

– Странный ты вопрос задаешь, Ерофеев, если бы я тебя не знал, так подумал бы, что ты провокатор или какой-нибудь красный... А только мне все равно, что ты там начальству передашь. У меня просто выбора нет, как с Красной армией воевать. Обратной дороги для меня не существует. А там, глядишь, еще и уцелею. Я бы тебе советовал не задавать больше таких вопросов... тогда целехоньким будешь, – отряхнув с гимнастерки пыль, зло выругался. – Только вчера подворотничок поменял. Сегодня опять нужно будет пришивать, не очень-то хочется из-за подобной мелочи в комендатуру попасть.

Прошли через железнодорожный узел, рассекавший поселок Покровское на две части. Подле одноэтажного здания, побитого осколками, стоял немолодой, с длинными свисающими книзу усами стрелочник и опускал черно-белый полосатый шлагбаум, отрезая путь колонне машин. А по рельсам уже громыхал товарный состав, на котором под туго натянутым брезентом, угадывались контуры танков и самоходных орудий. Тяжело груженный эшелон, слегка стуча на стыках рельс, вызывал уважение своим могуществом у всякого, кто его видел.

Маршевый батальон, судя по говору бойцов, был призван откуда-то со Средней Волги и терпеливо, так же, как и все остальные, ожидал проезда товарного поезда. Бойцы зачарованно всматривались в проносившуюся мимо них силищу.

Наконец скрипуче приподнялся шлагбаум, зависнув в сдержанном поклоне над побитой гусеницами полоской асфальта. Техника, выстроившаяся в очередь, пришла в движение. Послышались отрывистые команды, и маршевые колонны, построенные по четыре, двинулись дальше.

Свиридов с Храповым зашагали следом. Вдоль дороги стояли разбитые войной хаты, лишь некоторые из них, уцелевшие каким-то чудом, были сданы на постой. Подле изб покуривали бойцы и, наслаждаясь нежданно выпавшей минутой отдыха, от души дымили ядреным самосадом. Перебивая друг друга, рассказывали какие-то потешные истории, громко смеясь.

В конце улицы стоял трехэтажный кирпичный дом, у самого входа в который развевалось красное полотнище. Наверняка в мирное время в этом здании размещался сельсовет, а в нынешнее – штаб армии. То и дело в него заходили и выходили офицеры. Немногом далее приземисто растянулся наспех срубленный барак для военнослужащих. Подле входа стояло четверо красноармейцев в выцветших гимнастерках, на лицах печать усталости. По неспешности, с которой они вели разговор, по равнодушию к высоким офицерским чинам, что иной раз проходили мимо, и еще по некоторым другим признакам, известным лишь фронтовикам, было понятно, что они прибыли с передовой.

Неожиданно к бойцам подошел светловолосый старший лейтенант в сопровождении трех автоматчиков, в котором угадывался особист, и попросил показать документы. Равнодушно, угадывая в его требовании рутинную проверку, они достали военные билеты и протянули офицеру. Тот удовлетворенно кивнул, тщательно пролистал каждый документ и позвал их за собой.

По их недоуменным лицам и разговору, ставшим вдруг сразу напряженным, было понятно, что бойцы возражали. Наверняка на ближайшие часы у них были куда более приятные планы, нежели чем объяснения в комендатуре. Но старший лейтенант был настойчив, заметно повышал голос и в качестве весомого аргумента показал на группу охраны. Посетовав, бойцы раздраженно покидали недокуренные сигарки в ведро и, сопровождаемые автоматчиками, затопали за рассерженным офицером.

Что-то здесь было не так. Что-то не укладывалось. Бойцов, явно прибывших с фронта, не должны были задерживать.

– Постой, – приостановился Свиридов. – Не нравится мне все это. Если бы я был особистом, то в самую последнюю очередь задержал бы этих вояк. А этот даже не постеснялся. Значит, у него есть какие-то серьезные аргументы против них. И на их медальки даже не посмотрел.

Отошли немного в сторонку, пропуская «ЗИС». В его ободранном и пораненном осколками кузове с линии фронта вывозили раненых. Сейчас на передовой было горячо. Две сестрички, молоденькие и пригожие, как весенний цвет, примостившись у самой кабины, приглядывали за ранеными. Солдаты, находившиеся на дороге, приметив красавиц, осыпали их комплиментами, наиболее отчаянные предлагали выйти замуж. В ответ сестрички лишь сдержанно улыбались. Наконец трехтонка обогнала шедшую впереди колонну солдат и устремилась по шоссе в сторону леса, где было уже не столь многолюдно.

– Уж не нас ли они ищут?

– Все может быть.

Из штаба, энергично стуча коваными каблуками по деревянным расшатанным ступенькам, вышел капитан в сопровождении трех автоматчиков из роты охраны и скорым шагом двинулся в сторону большой группы бойцов в полном боевом снаряжении, стоявших в отдалении. Лихо козырнув, коротко представился, а потом что-то строго сказал двум бойцам, стоявшим напротив. Красноармейцы, подбодренные присутствием товарищей, что-то цедили сквозь зубы. Было понятно, что диалог принимает неприятный оборот. В какое-то мгновение капитан для пущей убедительности положил ладонь на кобуру, заставив автоматчиков взять под

прицел всю группу бойцов. Парни негодуяше покачали головами, а потом, сопровождаемые автоматчиками, зашагали за капитаном.

– Почему они взяли именно этих двоих? – спросил Свиридов. – Капитан даже не потребовал у других документы. А ведь там было человек десять.

– Может, на этих двоих были разосланы ориентировки? Где-то нашкодили. На войне всякое случается.

– Не похоже на то, – встревоженно протянул Свиридов. – Да и не приглядывались они особо. Капитан просто указал на них, вот и все! Он их заметил издали и шел прямо к ним. Не нравится мне все это... Вот так подойдут к нам, и ответить ничего не успеешь. Уходить нужно отсюда! Давай поближе к дороге за какой-нибудь колонной. Тут до сорок третьего квадрата недалеко. Там тихо. Переждем. Наши должны быть там.

Глава 5

Тревога

Сорок третий квадрат оказался небольшим, но весьма живописным участком леса с большой поляной, на краю которой расположился хуторок. Трава вокруг него была скошена, а из земли щетиной торчали короткие стебли. К дому, огороженному серым плетнем, примыкал амбар, и где-то внутри двора голосисто и длинно мычала корова – редкая для нынешнего военного времени скотина.

На утоптанной поляне, прямо на торчавших из земли пнях, расположились трое бойцов и о чем-то разговаривали. Не иначе как наслаждались тишиной, обступавшей их со всех сторон. До слуха со стороны шоссе доносился гусеничный лязг и едва различимый шум проходящей автоколонны. Однако щебетание птиц, буквально наполнивших лес, было куда громче всякого чужеродного звука.

Было заметно, что расположились здесь бойцы давно, скатанные шинели лежали рядышком, автоматы покоились на коленях, а сами они, разморенные солнцем, выглядели слегка оловевшими. Однако продолжали сидеть и, видно, были готовы к куда большему ожиданию.

Приподняв ветку, упруго воспротивившуюся, Свиридов всмотрелся в солдат, сидевших в ожидании. Ничего такого, что могло бы показаться подозрительным или хотя бы насторожить. Вокруг никого. Только живописная идиллия, каковую можно встретить лишь на картинах, а сама троица так и просилась на холст.

В расположившихся на поляне бойцах Свиридов узнал Пелепенко, Джуру и Енукидзе, в недавнем прошлом воспитанников Минской разведывательной школы, а в настоящее время агентов «Абверкоманды-203», действовавшей при армейской группировке «Центр». Начальником органа был подполковник Гёттинг-Зеебург. Команда вела работу против Западного фронта и дислоцировалась в Смоленске, так что переброска агентов в советский тыл не представлялась серьезной задачей.

Время поджимало. Следовало выйти из густой чащи и подойти к ожидающим его агентам. Но Свиридов медлил: где-то внутри него сработал механизм предчувствия, заставивший его действовать поосмотрительнее. А потом, где же остальные парашютисты? Неужели советская контрразведка оказалась столь расторопной, что сумела их вычислить?

Смутное чувство тревоги усилилось, не давая сделать следующего шага. Свиридов, выросший на природе, всегда доверял своим инстинктам. Следовало подчиниться им и сейчас. Важна гармония. Ощутить себя единым целым с окружающей природой. Но вот этого как раз и не получалось – через трещины лопнувшего окружающего пространства удушливо просачивалась враждебность.

– Чего стоим-то? – спросил Храпов. – Выходим?

– Погодь... Не нравится мне все это. Что-то здесь не то, – не сумел передать свои ощущения Свиридов. – Подождем еще немного и...

Договорить он не успел – ветки раздвинулись, и на поляну, держась друг от друга на значительном расстоянии, вышла шеренга из десяти автоматчиков с офицером. Его лицо показалось Свиридову знакомым... Тот шел на значительном отдалении, немного в стороне от общей группы, как будто бы специально не давал себя рассмотреть. Аккуратно, предугадывая в боях, сидящих на пнях, серьезную опасность, автоматчики взяли их в полукруг.

– А вот и гости пожаловали, – процедил Свиридов.

Михаил наблюдал за происходящим, затаив дыхание. От его пытливого взгляда не ускользнуло, как Джура, сидевший немного поодаль, пододвинул к себе автомат. Двое других напряженно посматривали на приближающихся автоматчиков.

– Надо им помочь, – негромко произнес Храпов.

– Тихо, – прервал Свиридов. – Может, еще и обойдется. Они люди опытные, еще и не в таких переделках бывали, документы у них тоже в полном порядке.

Старший лейтенант остановился в нескольких метрах от сидящих – весьма удобная позиция для ближнего боя. С такого расстояния уж точно не промахнешься. Офицер что-то сказал сидящим бойцам, те приподнялись, взяли скаты шинелей, кругами лежавшие на траве.

– Военная контрразведка... Спрашивает о противогасах, – напрягая слух, пояснил Свиридов. – И какого рожна они им понадобились?

Джура что-то произнес в ответ. Обстановка на лугу усложнялась. Старший лейтенант что-то резко сказал группе автоматчиков. Двое из них, отделившись, направились к диверсантам, а когда до них оставалось всего лишь три шага, Джура неожиданно вырвал из-за спины автомат. Выстрелить он не успел – упал в траву скошенный короткой очередью. Пелепенко и Енукидзе в кувырке бросились в противоположные стороны, успев пальнуть еще до того, как коснулись земли. Короткая очередь заставила пригнуться подступившего контрразведчика. Пелепенко нырнул под куст, откуда открыл стрельбу короткими очередями. Смершевцы умело рассосредоточились, а Енукидзе, продолжая катиться по земле, стрелял из автомата, не давая возможности преследовать.

В ответ три скупых выстрела, контрразведчики хотели взять их непременно живыми.

– Может, самое время им помочь? – предложил Храпов. – Ударим неожиданно из двух автоматов, и они отойдут.

– Не отойдут... Нам о задании нужно думать, спалимся в секунду! Через несколько минут сюда целый батальон автоматчиков придет. Мы им уже ничем не поможем! Все – уходим.

Отпустив гибкую ветку, Свиридов зашагал в глубину леса. Слушал, как за ним шумно, цепляя носками сапог выступающие из земли корни, торопится Храпов.

Неожиданно стрельба возобновилась. Стреляли с двух сторон. Потом вдруг раздались пистолетные выстрелы. Им в ответ короткие автоматные, а потом вдруг все разом смолкло.

Свиридов приостановился, вслушиваясь в шорохи леса, а потом ускорил шаг.

Глава 6

Допрос диверсанта

За прошедшие полчаса Романцев с охраной из дивизионного отдела СМЕРШ задержал восемь человек, оказавшихся без противогазов. Выяснилось, что четверо из них были дезертиры, дела которых тотчас передали в военную прокуратуру, еще трое прибыли из госпиталя с последним пополнением и потому не слышали о приказе командующего армией, их отправили в свои части. Остался последний – двадцативосьмилетний капитан, который уже два битых часа томился в комендатуре под присмотром автоматчиков из роты охранения и находился в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы.

Интуиция подсказывала Тимофею Романцеву, что с ним что-то не так. Но вот что именно, он не сумел бы объяснить даже себе. Возможно, что это и есть то самое пресловутое «звериное чутье», которое известно каждому оперативнику, долго пребывающему на линии фронта. Присутствие близкой смерти до предела обостряет чутье. Нечто подобное происходит с охотником, идущим по следу сильного и опасного зверя, и нет твердой уверенности, что он также не идет по твоим шагам и что именно ты выйдешь из этого поединка победителем.

На первый взгляд с капитаном пехоты Малюковым все было в порядке. К документам не придерешься, присутствовали все тайные метки. Вел он себя спокойно и очень даже уверенно, как человек, привыкший к военной дисциплине и бывавший на передовой. Даже доверительно улыбнулся, передавая личное оружие, и пошутил:

– Вы с ним поосторожнее. Оно мне еще понадобится, чтобы врагов расстреливать.

– Разберемся, – буркнул Тимофей Романцев, почувствовав, что неприязнь к задержанному только усилилась. Каким-то особым чувством, базирующимся на жизненном опыте и повышенном уровне наблюдательности, осознал, что перед ним сидит настоящий волчара, которого просто так не разговоришь. Вот только особенность ситуации заключалась в том, что сам он был волкодавом.

Расположившись в приемной, распорядился:

– Привести ко мне задержанного Малюкова.

Через несколько минут сержант охраны привел капитана. Был он без ремня, с расстегнутым воротником. Старший лейтенант Романцев внимательно всмотрелся в его лицо, пытаясь отыскать хотя бы какие-то перемены за прошедшие часы, но его встретил все тот же спокойный взгляд и дружеская располагающая улыбка, красноречиво говорившая: «Обиды не держу, старший лейтенант. Прекрасно понимаю, работа у тебя такая».

– Садитесь, – показал Романцев на стул, стоявший по другую сторону стола.

Капитан Малюков, поблагодарив едва заметным кивком, присел.

– И о чем пойдет у нас разговор?

– Как давно вы на передовой? – спросил Романцев.

– С сентября сорок первого, – просто ответил капитан. – Разрешите закурить. А то мою зажигалку забрали, а табачок без огня не распалишь, – посетовал капитан.

– Зажигалку вернем, но потом... По уставу не положено. – Старший лейтенант Романцев пододвинул коробок со спичками: – Возьмите.

Капитан извлек из кармана пачку с папиросами. Привычно смял полый фильтр и сунул его в уголок рта. После чего, чиркнув о коробок спичку, задымил табачком. По комнате распространился сладковатый запах «Герцеговины Флор».

Внутри Романцева зародился холодок, знакомый каждому охотнику, вставшему на свежий след. Собственно, он и был самым настоящим охотником, правда, его цель – человек, хищник куда более опытный и изворотливый, требующий у него особых качеств. И одного

интеллектуального и физического превосходства в столь сложном противоборстве было явно недостаточно. Следовало обладать интуитивной проницательностью, чтобы распознать врага в самых неочевидных ситуациях.

Сейчас был тот самый случай.

– Значит, предпочитаете «Герцеговину Флор»? – дружески спросил Тимофей.

– Именно так, – широко улыбнулся капитан. – Надеюсь, контрразведкой не запрещено? Все-таки такой табак курит сам товарищ Сталин.

– Не запрещено, курите, – усмехнулся Тимофей Романцев. – Вот только где же вы им разжились? Любой табачок на передовой редкость, даже офицеры раскуривают махорку, а уж «Герцеговина Флор»... – Романцев сделал затяжную паузу, – это и вовсе неслыханно!

– Достался по случаю... В госпитале с лейтенантом одним лежал... танкистом. Как-то закорешились мы с ним, вот он и презентовал мне две пачки. Ему эти папиросы жёнка привезла... Я ведь тоже до этого махорку курил, вот только она закончилась. А «Герцеговину Флор» я не каждый раз курю, только по особому случаю.

– Для форса, что ли?

– Можно сказать, что и так.

– А сейчас какой случай?

– Никакого. Была бы махорка, так закурил бы ее.

– А куда вы направляетесь?

– В запасной полк армии. В предписании написано...

– А из какого госпиталя вы прибыли?

– Вяземский военный госпиталь номер пять. – Широко улыбнувшись, добавил: – Наверняка там одна сестричка меня вспоминает... Впрочем, мне тоже есть что повспоминать. Кроме раны, она мне еще и душу подлечила.

– А куда было ранение?

– Сквозное ранение бедра. – Папиросу он уже докурил и положил окурочек в стеклянную пепельницу, предварительно затушив огонек. – На первый взгляд вроде бы ничего серьезного, но проваляться пришлось с месяц. Если не верите, могу показать, где именно.

– Не нужно. Я верю. – Подняв небольшой пакет с бумагами, продолжил: – Вот здесь написано, что вы сначала лежали в полевом госпитале, а только потом были переведены в Вязьму.

Пожав плечами, капитан отвечал:

– Все так. Сначала был в медсанроте. Провалился там несколько дней, а уже потом перевезли в Вязьму.

– Вот только в выписке из госпиталя написано, что у вас еще был сепсис. Как же удалось выкарабкаться? В полевых условиях часто это верная смерть, – сочувственно покачал головой Романцев.

– А вот здесь, товарищ старший лейтенант, просто повезло, – вздохнул Малюков. – Тут ведь как карта ляжет, никто полного выздоровления не обещает... Я хоть и не верующий, но, видно, за меня кто-то очень крепко молился, если удалось выжить.

– Понятно. Так тоже бывает. А как звали ту сестричку, которая вас вспоминает?

Красивые губы капитана широко растянулись:

– А как же еще могут звать ангела-хранителя? Конечно же, Надежда!

Чтобы противника почувствовать, одних глаз недостаточно, его нужно ощутить кожей, спинным мозгом, так его можно переиграть.

У входа в комнату стоял сержант, внимательно вслушивающийся в разговор. В ладонях, потемневших от загара, автомат, указательный палец предусмотрительно держал на спусковом крючке, за плечами у него боевой опыт. Не подведет! Видно, и он ощущал опасность, исходящую от капитана, как будто бы сидевшего безмятежно.

– Видно, договаривались встретиться с ней после войны?

– А то как же, – довольно отвечал капитан. – Пообещали писать друг другу каждый день. Признаюсь честно, товарищ старший лейтенант, я на ней жениться обещал. Кто знает, может быть, и женюсь, если где-нибудь не убьют. Или еще раз не влюблюсь.

– Встречи вам с ней я не обещаю, а вот поговорить можно прямо сейчас. Я ведь и телефон госпиталя узнал. Связь у нас здесь хорошая, двенадцатиканальная, так что дозвонимся без проблем. – Подняв трубку, Тимофей Романцев произнес: – Соедините меня с Вязьмой, пятый госпиталь... Да, подожду, – ободряюще посмотрел на Малюкова, сидевшего молча. – Ага, хорошо... Это Пятый вяземский госпиталь? Я вот по какому делу звоню, я старший лейтенант военной контрразведки Романцев. У вас работает медсестра Надежда?.. Нет... Может, раньше работала, сейчас время такое... И никогда не работала... Хм, странно. А вот ответьте мне на такой вопрос, двадцатого июня к вам поступил капитан Малюков... Он до конца долежился?.. Да, подожду... Тоже не поступал.

Служба в прифронтовой полосе обострила чувства Романцева до предела. Чтобы выжить в противостоянии с врагом, нужно уметь просчитывать его шаги, предвидеть возможную опасность и умело противостоять ей. Вроде бы ничего еще не произошло – Малюков продолжал сидеть на стуле, но внутри Романцева зазвучал какой-то тревожный камертон, отзываясь на изменение в настроении задержанного. В какой-то момент Романцев осознал, что находится на краю гибели. Пачка папирос, что Малюков держал в руке, неожиданно блеснула лезвием, и Романцев инстинктивно отпрянул в сторону. Выброшенное лезвие со стуком ударилось в стену и отскочило в сторону.

Подскочивший сержант с коротким замахом ударил Малюкова в шею прикладом автомата. И уже падающего, с силой поддел носком сапога, откинув в противоположный угол комнаты.

– Лежать! – заорал боец, направив на распластанного капитана автомат.

Диверсант и не думал подниматься, оперевшись спиной об угол комнаты, затравленно поглядывал на Романцева, поднявшего пачку.

– «Герцеговину Флор», значит, куришь... как товарищ Сталин, – хмыкнул Романцев. – Ловко! А табачок-то у тебя с сюрпризом. Это у вас в абвере такие пачки мастерят? – внимательно осмотрев пачку со всех сторон спросил Тимофей.

– Повезло тебе, старший лейтенант, считай, что второй раз родился.

Тимофей Романцев разодрал пачку, на стол бесхозно посыпались папиросы. В самое дно была вмонтирована небольшая трубка со сжатой пружиной. Достаточно лишь нажать на кнопку, как упругий механизм с силой выбрасывал клиновидное стальное жало. По длине оно было небольшим, но достаточным, если уж не убьет, так непременно выведет противника из строя.

Теперь понятно, откуда у него возникло чувство опасности. Тимофей понимал, что его спасло предвидение, неожиданно обострившееся всякий раз при контакте с противником. Сам он еще не осознал, что повстречался с врагом, но память, уже получив оперативную информацию, успела ее обработать и подготовить его к опасности; включила в нужный момент отработанные до автоматизма рефлексy.

– Занятная штукавина, – положил в карман трубку Тимофей, – может, и мне еще пригодится. – А теперь давай поговорим пообстоятельнее. Поднимайся... Садись. Нервы дрогнули, не выдержал, – посочувствовал Романцев. – А ведь я никому не звонил. Провел я тебя, что же ты так по-глупому попался?

– Ах вот оно что, «на пушку», значит, меня взял. А ты молодец, не ожидал... Поначалу ты мне простоватым показался, а ты вон что выкинул. Признаю, переиграл ты меня.

– Назови свою настоящую фамилию? Когда начал служить немцам и при каких обстоятельствах.

– Тебе придется очень постараться, чтобы меня разговорить.

Тимофей Романцев невольно усмехнулся:

– Постараться, говоришь... Вот только для старания у меня времени нет. Это тебе нужно будет очень постараться, чтобы убедить меня не передавать тебя под охрану. Три дня назад одного такого задержали, старостой у немцев служил. Так его саперными лопатками зарубили... при попытке к бегству. Вот и думаю, что ты тоже можешь в бега удариться!

– Не сделаешь, я тебе живой нужен.

– Ты мне нужен разговорчивый. А теперь ответь мне, кто ты? Кто входил в твою группу и какое у вас было задание?

– Меня не расстреляют?

– Ничего не могу тебе обещать. Все будет зависеть от того, насколько ты будешь с нами искренен.

– Хорошо... Меня зовут Кононов Герасим Петрович. Я бывший лейтенант Красной армии Триста сорок четвертого полка Шестьдесят пятой армии первого формирования. Тридцатого апреля сорок второго года, когда меня послали в разведку, я перешел к немцам.

– Добровольно, значит.

– Да.

– Почему изменил родине?

– До войны я работал заведующим складом... Ну и продавал налево кое-какие вещички. Потом меня уличили. Когда из предварительного заключения меня везли на допрос, удалось бежать прямо из-под стражи. А потом через знакомых достал подпольный паспорт и сменил свою фамилию на Малюков. А тут вдруг в батальон новое пополнение поступило. А с ним мой сосед бывший, который меня знал под прежней фамилией. Вот он и бросился ко мне на шею, Герасимом меня называл, говорит, что хорошо хоть кого-то из старых знакомых встретил... А ведь в роте меня как Нестора знали... Предчувствовал, что мне все это боком выйдет, так оно и произошло... А через пару часов меня в особый отдел вызывают. Тут как раз наши в разведку пошли, ну я и напросился к ним, а как случай представился, так к немцам перешел.

– Что было дальше?

– Сначала попал в Глуховский лагерь для военнопленных, это в Полтавской области, потом отправили в Псковский лагерь для диверсантов.

– С чего это вдруг такая честь? – усмехнулся Романцев.

– Сам не пойму, видно, приглянулся... Но ничего хорошего для немцев я не сделал.

– Не сделал или не успел?... Ладно, это мы еще перепроверим. Какие были твои задачи?

– Не знаю, какое задание было у шестерых, они получали свой инструктаж... Но мы должны были взорвать два железнодорожных моста через Вязьму.

– Где именно?

– У села Исакова и у Можайска. Дальше должны были организовать наблюдение за железными дорогами в направлении Вязьма – Москва. Узнать, какие воинские части и подразделения дислоцируются поблизости. Номера дивизий, полков, которые вскоре должны отправиться на фронт. Выведать, какая техника идет к линии фронта и какая содержится в резерве. Предполагалось, что я устроюсь куда-то на жительство, как нас уверили, документы у нас вполне надежные.

– Когда радист должен выйти в эфир?

– Желательно сразу же после приземления.

Лучшего места для радиоэфира, чем местные леса, где каких-то несколько месяцев назад проходили ожесточенные бои, подобрать было трудно. Некоторые леса и пашни до сих пор стояли заминированными, так что местное население туда не шастает. А в землянках, еще не осыпавшихся, можно переждать весьма длительное время. Значит, диверсантов следует искать именно там.

– Командир группы Свиридов?

– Так точно.

– Сколько вас было человек?

– Вместе со мной пятнадцать. Мы должны были встретиться сразу после приземления, но у нас не получилось. Выброска десанта произошла через большие интервалы, а потом был сильный ветер и нас разбросало. Некоторое время я пытался разыскать своих, а потом, когда условленное время вышло, я ушел.

– Покажите резервное место встречи? – разложил Тимофей Романцев перед диверсантом карту.

Некоторое время тот всматривался в название местности и водил заскорузлым пальцем по горизонтальным линиям, а затем уверенно объявил:

– Вот здесь, в сорок третьем квадрате...

– Когда именно?

– Сегодня в четыре часа вечера. – Тимофей Романцев невольно глянул на часы. Оставалось сорок пять минут. – Если кто-то не сумеет в срок выйти в этот район, встречаемся в Вязме во Введенской церкви. В нынешнее время появилось много верующих, так что наше появление никого не удивит.

– Как собирались взрывать мосты?

– Магнитными минами. Ничего особенно делать не нужно, просто прикрепить их на металлические опоры, и все! Мины настроены на звуковые колебания, взрываются в тот самый момент, когда поезд проходит по мосту.

– Интересные вещи ты рассказываешь. Обещаю тебе, что мы с тобой еще поговорим. А сейчас в камеру его, – распорядился Романцев. – Пусть соберется с мыслями.

Диверсант поднялся.

– Руки за спину, – строго приказал конвойный. И когда тот подчинился, не менее строго сказал: – На выход!

Пошел уже третий месяц, как Тимофей Романцев возглавлял особый отряд СМЕРШ Западного фронта. Работать приходилось по всем армиям, а потому катастрофически не хватало людей. Сегодня две группы он отправил на поиски парашютистов, и теперь в его распоряжении оставалось десять автоматчиков.

– Собирай людей, и едем в сорок третий квадрат, – сказал Романцев заместителю начальника отряда старшине Захарчуку. И, подхватив с вешалки фуражку, вышел из комнаты. – Это недалеко отсюда, километрах в десяти.

Подождал боец и протянул Романцеву конверт:

– Товарищ старший лейтенант, вам письмо.

Письмо было от Зои, жены. По телу пробежалась приятная волна. Ее письма были согревающими, сильными, так эмоционально писать и откровенно высказывать свои чувства способна только любящая женщина. Романцев поймал себя на досаде, вспомнив о том, что не успел ответить на предыдущее письмо. Наверняка Зоя волнуется.

Некоторое время он боролся с соблазном, чтобы тут же, под взглядом бойца, прочитать письмо, но, пересилив себя, сунул послание в планшет.

– Пошли!

* * *

Автоматчики дружно загрузились в основательно потрепанную полуторку, имевшую немалую боевую биографию. Лобовое стекло в грузовике было прострелено в двух местах, и оставалось только удивляться, каким образом пули не зацепили водителя. Высокий борт, вполне еще справный, лишь у самой кабины вырвало край крупным осколком, и теперь рас-

щепленные доски занозисто торчали, угрожая разодрать обмундирование. Поломанные доски следовало поменять или хоть как-то подлатать, но как-то все не доходили руки.

Старший лейтенант Романцев сел на командирское место рядом с водителем, и полуторка, гребя разболтанным и расшатанным на дорогах войны металлом, заколесила по узкой полоске серой дороги, кое-где залатанной кусками асфальта; в других местах, где ямы от разрыва снарядов были особенно глубокими, их просто засыпали щебнем и тщательно утрамбовывали танками. А потому рессоры, испытывая дополнительную нагрузку, гнулись и скрипели, заставляя чертыхаться автоматчиков, казалось бы, привыкших за годы войны к повальному бездорожью.

Подкатали к смешанному темному лесу, угрюмо шелестевшему густыми кронами. Война затронула и его – у самой опушки стояла могучая липа, ствол которой был разворочен взрывом, и из покореженного нутра некрасиво торчали длинные щепы и просматривалась рыхлая сердцевина. Несмотря на полостную рану, дерево справлялось, продолжало жить и идти в рост; хмуро и басовито шелестело могучей и густой кроной, в толстых ветвях которой обжились голосистые пичуги.

Далее полуторке не пройти. Там, где когда-то была дорога, образовалась огромная яма, залитая до самых краев водой. По обе стороны, колюче и враждебно ошестинившись растопыренными ветками, произрастали вязы. Столь крепкую рать не объехать, а потому, сгрузившись, контрразведчики решили топтать пешком.

Даже в глубине леса, где, казалось бы, не было ни военных подразделений, ни активных боевых действий, едва ли не на каждом шагу можно было увидеть следы войны, уходящей на запад. Прямо из земли истлевающим тряпьем выглядывало темное немецкое обмундирование. Валялись дырявые каски, простреленные пулями, разодранные осколками и протравленные ржой. Между стволами просматривалась самоходка устарелого образца, виновато уткнувшаяся стволом в землю.

Здесь проходил скоротечный, суровый и безымянный бой, каковых на просторах России было немало. Со столь же неизвестными солдатами, укрытыми кое-где опавшей листвой, а кое-где наспех зарытыми.

– Идем тихо, – предупредил Тимофей Романцев. – Смотреть под ноги, чтобы ни одна ветка не треснула.

Предупреждение было излишним. Народ в отряде собрался бывалый. Ходить по лесу умели все, так что их осторожности могла бы позавидовать даже рысь.

Прошли метров триста по грунтовой дороге, местами заросшей крапивой и кустарниками, когда вдруг через ветки дальнего ряда ельника пробилась светлая полоса – не иначе как поляна. Приложив палец к губам, старший лейтенант двинулся вперед; ноздри раздуты, глаза хищно всматривались вперед, в этот момент Романцев напоминал осторожного хищного зверя, вышедшего на свежий след добычи.

Подошли к самому краю поляны и через ветки рассмотрели трех бойцов в гимнастерках, сидевших на пнях. Скатки шинелей, напоминающие спасательные круги, лежали на скошенной траве. В полном боевом снаряжении, включая сумки для гранат. А вот противогазов при них не было. В значительном отдалении просматривался хуторок, огороженный высоким плетнем, сбегавшим в низину, заросшую сиреневым клевером и желтоголовыми ромашками.

– Выходим, – негромко произнес старший лейтенант Романцев и, отстранив от себя упругий лапник, шагнул на поляну.

Был уверен, что следом, растянувшись в шеренгу и держась на значительном расстоянии друг от друга, оставляя тем самым возможность для маневра, вышли бойцы, охватывая вполукруг сидящих на пнях красноармейцев.

Шли неторопливо, размеренно. До них было метров шестьдесят, расстояние, с которого парашютисты могли бы принять бой. Пусть неравный, но очень серьезный для вышедших на поляну контрразведчиков. И шансы, чтобы уйти в лес, у них были бы немалые.

Достаточно пройти еще метров пятнадцать, и такой возможности им более не представится. Далее смершевцы будут контролировать каждый их жест, каждое движение, даже малейшие нюансы мимики.

Тимофей Романцев поймал себя на том, что крепче сжал рукоять пистолета, ожидая выстрела. Вот сейчас ближайший из них рванет автомат и пальнет короткой очередью. Но в их поведении не было ровным счетом ничего такого, что заставило бы заволноваться или хотя бы напрячься. Диверсанты напоминали обыкновенных бойцов, вернувшихся с передовой, уставших от войны. И вот теперь, расположившись на поляне, вместо громохання пушек слушали пение соловьев.

Приблизившись на расстояние десяти шагов, Тимофей представился:

– Старший лейтенант СМЕРШа Романцев. Предъявите документы.

– Что-нибудь не так, товарищ старший лейтенант? – добродушно спросил боец восточной наружности.

– Все так. Просто обычная проверка. Семенов, Соколов, проверьте документы, – обратился он к бойцам, стоявшим рядом.

Красноармейцы дружно поднялись, в намерении продемонстрировать документы. Было видно, что двое впереди стоящих расстегнули нагрудные карманы, чтобы извлечь удостоверения личности. Романцев внимательно следил за их руками. Только третий, находившийся немного позади, скрываемый спинами приятелей, как-то заметно медлил. Тимофей Романцев смотрел прямо на него, буквально физически ощущая исходившую от него опасность. То же самое чувствовал и сержант, двигавшийся по левую сторону от него. И не ошибся. Диверсант выхватил из-за спины автомат, и, прежде чем он успел нажать на курок, сержант пустил ему в грудь короткую очередь, заставив в падении широко раскинуть руки. Двое других диверсантов, словно по команде, в кувырке, бросились в разные стороны, застрочив длинными очередями в надвигающихся контрразведчиков. У Черных, стоявшего ближе всех, сбили с головы пилотку, заставив его сильнее вжаться в землю.

– Не стрелять! Брать живыми!! – срываая голос, закричал Романцев.

Диверсанты умело, используя кувырки и короткие рывки, приближались к лесу. Контрразведчики, растянувшись в цепь, скорыми перебежками наступали на диверсантов, стараясь автоматными очередями отрезать их от леса. Встречный бой приобретал все более жесткий характер, протекал быстро. По фронтовому опыту Тимофей Романцев знал, что удача на стороне того, кто более беспощаден и дерзок, кто думает неординарно, отринув привычные схемы. Расстояние между ними было небольшим: всего-то рывок, чтобы осуществить захват. По напряженным лицам бойцов Тимофей видел, что они готовы и только выбирали подходящую секунду, чтобы броситься вперед. Диверсанты успели закатиться за пригорок, где чувствовали себя в полнейшей безопасности и, приберегая патроны, вели стрельбу короткими очередями. За их спиной, в нескольких секундах стремительного бега, возвышался лес, где достать их будет куда труднее, чем на открытой поляне. И диверсанты готовы были пойти на риск.

Махнув рукой, Тимофей Романцев дал знак контрразведчикам, находящимся на самом краю, усилить огонь. Его поняли мгновенно, тотчас с обеих сторон зазвучала усиленная стрельба, не давая диверсантам поднять головы.

– За мной, – сказал Романцев старшине, лежавшему рядом.

Поднявшись в полный рост и с пистолетом у самого пояса, Тимофей побежал прямо на бугры, за которыми улеглись диверсанты. В какой-то момент пальба умолкла, давая возможность нападавшим осуществить бросок. И сразу же из-за бугра появилась фигура диверсанта

с автоматом в руках, целящегося прямо ему в корпус. Романцев осознавал, что в следующее мгновение прозвучит выстрел. И тело, приученное к боевым рефлексам, метнулось влево и вниз. Он услышал, как справа от него над самым плечом нервно и зло просвистела стайка рассерженных пуль. Стремительно встав на колено, Тимофей выстрелил прямо в плечо диверсанту, не давая ему возможности произвести второй выстрел.

Тот громко вскрикнул, как-то нелепо выронил из рук автомат и плюхнулся на землю. Подскочив, Романцев, подавляя всякую попытку к сопротивлению, с размаха ударил рукоятью пистолета ему в лицо. Не без злорадства отметил, что под рукой что-то хрустнуло, и закричал прямо в брызнувшей кровью рот:

– Лежать!

Слева возникла какая-то возня, прозвучало сдавленное покрякивание. Периферийным зрением уловил, что дюжий старшина, взгромоздившись на худосочного диверсанта, остервенело, поскрипывая от злобы зубами, наступив ему коленом на пояс, стягивал за его спиной вывернутые руки.

– Не двигайся, мать твою!.. – басовито гудел старшина, отвесив диверсанту оплеуху.

Подошедшие бойцы с интересом и без злобы посматривали на плененных диверсантов. Враг был побежден, можно было и расслабиться, хотя каждый понимал, что сегодняшней день для кого-нибудь из них вполне мог быть последним. Но курить махорку было рано, следовало немного потерпеть. Но ничего, после такого ожидания табачок покажется ярденее.

Из простреленного плеча диверсанта сочилась кровь, он глухо постанывал. Оказывать помощь ему никто не торопился. Другой, со связанными руками, был посажен старшиной на траву и исподлобья зыркал на обступивших его бойцов.

– Вот их военные билеты, – старшина протянул документы Романцеву. – В вещмешке еще деньги лежат. Не знаю сколько, но очень много!

– Ничего, посчитаем.

Тимофей внимательно пролистал документы, после чего запрятал в планшет.

– Старший лейтенант, мне бы перевязку на плечо, а то весь кровью изойду, – пожаловался раненый диверсант. – А потом...

Тимофей давно взял себе за правило не входить в разговор с задержанными. Врага следовало обесточить; отобрать всякую надежду на благоприятный исход; деморализовать; навязать свою волю.

Хлесткий удар по лицу заставил диверсанта умокнуть.

– Назови свою фамилию, мразь!

– Рядовой Егоров, – проговорил тот, стараясь не смотреть на старшего лейтенанта.

Ударив ногой в грудь, Романцев опрокинул диверсанта на спину. И, наклонившись, произнес с ненавистью в самое лицо:

– Я спрашиваю, как твоя настоящая фамилия, фашистская гадина?! Ты меня хорошо понял?!

Внутри диверсанта случился какой-то психологический надлом, что было видно по его глазам, враз потухшим. Все пути к отступлению были сожжены, и не оставалось ни малейшей возможности, чтобы выбраться из этой передрыги живым.

– Понял... Младший сержант Савельев.

– Когда попал в плен? Где служил до измены родине? – тряхнул Тимофей за грудки немецкого агента.

Отерев рукавом кровь с разбитой губы, заговорил:

– В плен попал в октябре сорок второго, под Сталинградом. Служил в Тридцатой стрелковой дивизии Шестьдесят второй армии. В фильтрационном лагере в поселке Степное, под Курском, был завербован сотрудником абвера штурмбанфюрером СС Фридрихом Ульке.

– Кто в вашей группе старший?

Диверсант кривился от боли, едва сдерживая прорывающийся через стиснутые зубы стон.

– Командир группы капитан Свиридов.

– Это его настоящая фамилия?

– Нет, псевдоним. Не думаю, что кто-то в отряде знает его настоящую фамилию.

– Ах ты падла! – прошипел агент, сидевший рядом. – Как мы тебя сразу не распознали!

Повернувшись, Романцев без сожаления выстрелил диверсанту в лоб. Этого не разговоришь, слишком идейный попался.

– Оттащите эту падаль в сторону, чтобы он здесь не смердел, – распорядился старший лейтенант.

Двое бойцов, взяв убитого за ноги, оттащили подальше в густую высокую траву. Закурили табачок с чувством исполненного долга.

– Почему его не было с вами? – спокойным голосом спросил Романцев, как если бы ничего не произошло.

– Я не знаю... Мы его ждали на месте приземления, но он не объявился. Он должен был прийти и сюда, но тоже не подошел. Может быть, что-то с ним случилось... А может, чего-то почувствовал. Он невероятно осторожный и опытный. Свиридов не однажды бывал за линией фронта.

– Он сам об этом рассказывал?

– Просто обмолвился. Пожалуйста, прошу вас, сделайте что-нибудь с этой раной. – На выпуклом шишковатом лбу диверсанта выступили крупные капли крови. – Я больше не могу терпеть... – скривился он от боли.

– Старшина, – обратился Романцев к заместителю, – вколи ему обезболивающее, да и рану перевязать нужно.

– Сделаем, товарищ старший лейтенант, – охотно отозвался Захарчук.

Вскрыв индивидуальную аптечку, он ввел инъекцию новокаина, после чего умело перебинтовал рану.

– Все забываю у тебя спросить, старшина, где ты так наловчился с медикаментами обращаться?

– Так я же фельдшер, товарищ старший лейтенант, – заулыбался Захарчук, – привычный к этому делу.

– А чего же ты не в санчасти?

– Не мое это... В контрразведке веселее.

Из-за куста торчали сапоги убитого диверсанта, невольно приковывая внимание. Тимофей Романцев внимательно посмотрел на часы – до окончания отведенного времени оставалось двенадцать часов. Полковник Мишин был не из тех людей, что забывают о сроках. Если сказал сутки, значит, так тому и быть. Ровно через двадцать четыре часа он потребует доложить о результатах. В худшем исходе рассчитывать на милосердие не следует.

Лицо диверсанта слегка порозовело, теперь он чувствовал себя значительно лучше.

– Что он за человек, командир вашей группы?

– Хм... Просто так и не ответишь. Волевой, сильный. Способный подчинить себе людей. Причем он это делает не столько силой, сколько убеждением. Перед достижением цели не останавливается ни перед чем. Реакция у него мгновенная, решения принимает молниеносно. Изворотлив, гибок, хитер. Способен просчитать даже самую сложную ситуацию на несколько шагов вперед. Вам придется изрядно постараться, чтобы его отловить.

– Куда он мог пойти?

– Мы договорились встретиться в Вязме во Введенской церкви. Но не думаю, что он там объявится.

– Где магнитные мины? Они где-то спрятаны или их вам должны передать?

– Вы и о них знаете?

- Мы много чего знаем.
- Магнитные мины Свиридову должен был передать его человек. Он знает его лично. А кто он такой, мне неизвестно.
- Чего разлегся? Поднимайся. Мы с тобой еще в отделе поговорим.

Глава 7

Шифровка

Скорым шагом, зная, что радист топает следом, Михаил Свиридов зашагал по грунтовой дороге. Судя по тому, что в некоторых местах она изрядно заросла, ездили по ней редко, разве что в случае крайней необходимости. Основная магистраль, по которой двигались передовые части, находилась в километре отсюда – вот там громыхание будь здоров! Лязг гусениц, протяжные гудки автомобилей и отрывистые команды командиров.

Выходить из леса Михаил не спешил, теперь он представлялся ему спасительной территорией. Нужно было как следует все обдумать. Что же с отрядом Енукидзе было не так? Почему советская контрразведка вычислила их? Вряд ли у СМЕРШа были какие-то серьезные ориентировки на агентов. Приготовления отряда проходили в строжайшей тайне, он сам лично отбирал каждого из них. Утечки информации быть не должно. Вне всякого сомнения, офицер контрразведки направлялся к агентам, чтобы арестовать их. Его не интересовали даже документы, значит, все дело в их внешности. Что же с ней было не так, что насторожило контрразведку?

Думай, думай...

Свиридов опустился на поваленное дерево, поросшее толстым ярко-зеленым мхом. Вокруг стояла тишина, тревожимая иной раз какой-нибудь голосистой пичугой, да вот еще в вышине шелестели кроны. Только сейчас, устроившись на бревне, он почувствовал, как сильно устал. Ступни горели так, как если бы он ходил по раскаленной сковороде. Спешить пока было некуда, вот разве что на погибель. Сняв сапоги, Михаил Свиридов размотал портянки и повесил их на бревно – пусть немного проветрятся. Ноги, получив освобождение, сладостно заныли. Свиридов пошевелил пальцами, давая возможность крови разбежаться по сосудам.

Радист присел рядом, глубоко вздохнул. Но снимать сапоги не стал, лишь опасливо повертелся по сторонам, словно бы ожидал нападения.

Где же они могли проколоться?

Обмундирование – полная комплектация, за исключением разве что противогазов. Но с начала сорок второго года в Красной армии их уже никто не носил. Советы более не боялись газовой атаки. Но странно было другое, что Свиридов отметил почти сразу, – все маршевые роты носили сумки с противогазами. Они были даже у бойцов, отправленных в тыл на переформирование. Уж не связано ли задержание группы Енукидзе с тем, что противогазов при них не было. Ведь сначала контрразведчики задержали трех солдат у штаба, не имеющих противогазов. У барака для военнослужащих контрразведчики подошли именно к тем, кто тоже не имел сумок с противогазами.

Михаил Свиридов невольно хмыкнул. Теперь все становится на свои места. Русские хитры на выдумки, могли отдать приказ по армии задерживать всех тех, кто будет ходить без средств защиты органов дыхания. Хитрецы! Значит, каким-то образом СМЕРШ пронюхал об их прибытии и решил принять контрмеры. Что ж, придется действовать более изворотливо.

Свиридов вытащил из вещмешка пачку «Казбека», выудил из нее папироску и сладко затянулся.

По лесу прошелся ветерок, приятно остудив ноги. Подниматься не хотелось. Собственно, и спешить уже более было некуда. Скорее всего, из всей группы они остались вдвоем. А на месте встречи в Вязьме, куда они так торопятся, их поджидает засада. Значит, нужно придумать что-то похитрее.

Докурив папиросу, Михаил Свиридов не стал выбрасывать фильтр, аккуратно запрятал его в прогнившее нутро дерева и, взяв подсохшие тряпки, принялся обуваться.

– Противогазы нам нужно, Ерофеев, – коротко произнес он.

– Какие еще противогазы? – удивленно посмотрел радист на Свиридова. Старший лейтенант начинает заговариваться, встреча с советской контрразведкой здорово ударила ему по мозгам.

Михаил Свиридов внимательно посмотрел на Храпова. Похоже, что тот ничего не понимал, а объяснять не хотелось.

– Те самые, что нам жизнь спасут. – Вытащив вещмешок, он достал из него две пачки «Казбека», настоящее богатство в прифронтовой полосе, и приказал: – Обменяй эти папиросы на два противогаза. Старайся офицерам не попадаться. – Отвечая на немой вопрос радиста, добавил: – Я подожду тебя здесь. Ну чего стоишь? Топай!

Ждать Храпова пришлось недолго. Показался он минут через сорок. Торжествующий, что-то довольно насвистывая, он шел по грунтовой дороге, помахивая раздобытыми противогазами. Спрятавшись за дерево, Свиридов внимательно наблюдал за его приближением. Не похоже, чтобы за ним кто-то увязался. Грунтовая дорога просматривалась метров за сто пятьдесят – на дороге никого. В лесу тоже никого не видать. Похоже, что за ним никто не увязался.

Добравшись до поваленного дерева, где должен сидеть Свиридов, он удивленно повертел головой, потом чертыхнулся и опустился на поваленный ствол.

– Все в порядке? – вышел из-за дерева Свиридов.

– Фу ты! – невольно выдохнул радист, убирая руки от автомата. – Ты как привидение. Даже не заметил, когда ты подошел. Вот противогазы.

– Где раздобыл? – взял сумку с противогазами Свиридов.

– Вижу, у дороги какая-то часть расположилась, я подошел к старшине и попросил у него два противогаза за две пачки «Казбека»... Все так, как ты и сказал. Он мне и отдал. Сказал, что как раз два лишних противогаза имеется, двух бойцов в госпиталь отправили.

– Что видел на дорогах? КПП стоят?

– Стоят. Укреплены.

– Мне кажется, что тут не только в нас дело. Что-то серьезное затевается. Наверняка какое-то большое начальство должно нагряться. Давай отойдем поглубже в лес, нужно в центр радиogramму передать.

Преодолевая бурелом, прошли поглубже в лес. И здесь, среди буйно разросшегося папоротника, также обнаружили следы войны. В небольшом окопчике, который когда-то тоже был линией фронта, валялся миномет без прицела, а метрах в тридцати от него, подмяв под себя пожелтевший куст, стояла дивизионная пушка. Влажный дикорастущий лес безжалостно поедал следы войны, землянка, наполовину засыпанная, с прогнившими бревнами, дышала прелой землей и холодом. Разрыв снаряда пришелся рядом с ней, основательно порушив.

Свиридов вытащил из планшета листок бумаги с карандашом и, немного поразмышляв, быстро набросал текст. Перечитав написанное, довольно кивнул.

Храпов уже забросил антенну, утяжеленную небольшим грузом, на ветки деревьев, включил рацию и, настроив ее на нужную волну, терпеливо дождался сообщения.

– Держи, – протянул Свиридов текст. – Смени шифр.

– Вроде бы еще рано.

– Так нужно.

Взяв шифровку, радист прочитал: *«Доктору. На месте контрольной встречи в квадрате сорок три нас ожидала засада. Енукидзе, Джура и Пелепенко погибли или взяты в плен. Нам чудом удалось уйти. О судьбе остальных нам ничего неизвестно. Скорее всего, они погибли или были захвачены военной контрразведкой. Выполнение задания ввиду малочисленной группы осложняется. Однако мы продолжаем движение в сторону обозначенного объекта. На дорогах усилен пропускной режим. В радиусе ста километров перекрыты дороги и установлены усиленные КПП. Предполагаем, что меры предосторожности связаны с прибытием на линию*

фронта какого-то важного лица. Не исключено, что это кто-то из высшего руководства страны. К линии фронта в район Вязьмы продолжают прибывать новые части. Для выполнения поставленных задач требуется пополнение. А также деньги. Немедленно ждем вашего ответа. Макар».

Храпов достал блокнот и принялся зашифровывать текст, когда все было готово, он, взявшись за ключ, уверенно зарадировал. Когда был передан последний сигнал, объявил:

– Все!

– Еще не все, – заявил Свиридов. – Будем ждать ответа.

Радист настроил рацию на прием и принялся вслушиваться в эфирные шумы. Вскоре раздались позывные, и Храпов, взяв карандаш, принялся записывать полученные сигналы.

Михаил Свиридов стоял немного в стороне и нервно покуривал, поглядывая по сторонам. Большая часть денег пропала – четыреста пятьдесят тысяч находилось у Енукидзе в вещмешке. А ста тысяч, которые он имел при себе, было явно недостаточно для долгого пребывания в прифронтовой зоне.

Храпов, открыв дешифровальный блокнот, быстро переводил знаки в слова. От усердия он даже слегка закусил губу – сейчас парень напоминал старательного ученика, выполняющего домашнее задание. Оперативный псевдоним Храпова был Заяц, и тот, кто его придумал, был весьма остроумный человек. Во внешности радиста было немало того, что родило его с грызуном.

– Готово, – протянул Храпов исписанный листок.

Свиридов взял радиошифровку. *«Макару. Информация о прибытии высшего должностного лица на линию фронта заслуживает повышенного внимания. Постарайтесь выяснить, кто именно прибывает. Если прибыл Сталин, приступить к его немедленному устранению. В этом вам поможет майор Колыванов. Пароль прежний. Доктор».*

Прочитав радиogramму, Михаил вытащил из кармана зажигалку и запалил листок. Дождался, когда он сгорит дотла, после чего скомандовал:

– Давай запрячь рацию и пойдём!

– Куда?

Михаил Свиридов невольно усмехнулся:

– Не переживай... Куда нужно!

Место для рации отыскали в дупле старой умирающей липы. Забросав рацию травой, скорым шагом вышли из леса.

Глава 8

1 Августа. Оперативная обстановка

Прошедший день принес кое-какие результаты.

Несколько часов назад полковнику Мишину доложили о том, что у деревни Матюшино, там, где год назад проходила первая линия обороны, в добротной, в четыре накатов землянке обнаружили оставшихся десять диверсантов. На предложение сдаться они открыли очень плотный огонь. Но когда стало ясно, что боеприпасов у парашютистов предостаточно и что просто так они не сдадутся, было решено, дабы не терять бойцов, закидать их гранатами.

Командиру группы и радисту каким-то неведомым образом удалось просочиться из района десантирования через выставленные кордоны.

Еще три диверсанта были обнаружены в сорок третьем квадрате, двоих из которых пришлось уничтожить, а третьего удалось взять в плен. Из этого же места была передана радиogramма. Как объяснил командир радиопеленгаторного пункта лейтенант связи Никонов, расшифровать радиосообщение пока не удалось, но, судя по манере передачи, это был радист, отправивший два первых сообщения. Лейтенант, позвонивший ему в отдел, отметил, что в этот раз шифrogramма оказалась значительно сложнее – в ней был применен алгоритм, не использовавшийся ранее. Следовало заполнить определенный материал, чтобы заняться дешифрованием.

Полковник Мишин едва сдержал крепкое словцо, вертевшееся на кончике языка, и только сдержанно попросил ускорить дешифровку всех радиоперехватов. Лейтенант посетовал, что катастрофически не хватает людей, особенно опытных криптологов, но со своей стороны личный состав сделает все возможное, чтобы ускорить работу.

На том и порешили.

Еще через полчаса в указанный район прибыла оперативно-разыскная группа, которая, надо отдать ей должное, установила место проведения радиосеанса. Был проведен следственный эксперимент, в результате которого было определено точное место выхода радиосообщения в эфир, а также в допустимых возможностях воспроизведены условия передачи. Как следовало из выясненных обстоятельств, агентов было двое – один радист, а другой, по-видимому, командир группы. Радиопередача велась близ разбитой землянки, где год назад шел бой с немцами. В подтверждение первоначальной версии нашли окурки, точно так же примятый и надкушенный, как и в первом случае. Под слоем глины в землянке были обнаружены два скелета с истлевшей красноармейской формой; вот только жаль, что удостоверений личности при боях не оказалось.

Так и похоронили бедолаг в братской могиле.

В прифронтовой полосе оставалось двое диверсантов, которых следовало взять непременно живыми. Вот только бы знать, в какую сторону они направились. Ориентировки с их описанием были разосланы по всему фронту, в каждое подразделение СМЕРШа, по всем контрольно-пропускным пунктам; их словесные портреты находились в кармане каждого контрразведчика, однако последние два часа прошли в безрезультатном ожидании.

Полковник Мишин составил сообщение. Перечитав его, еще раз немного подправил.

«Совершенно секретно. Начальнику Главного управления контрразведки СМЕРШ. В ночь на 2 августа близ села Покровское была сброшена группа немецких парашютистов в количестве пятнадцати человек. Двенадцать диверсантов, оказав ожесточенное сопротивление, были уничтожены. Один – захвачен в плен и в настоящее время дает признательные показания. Двум другим – командиру группы и радисту – удалось скрыться. В настоящее время ведутся их поиски. Задание немецкой группы состояло в том, чтобы уничтожить два желез-

нодорожных моста на пути Вязьма – Москва. А также провести диверсию против высшего командного состава Тридцатой армии. Начальник контрразведки СМЕРШ Тридцатой армии полковник Мишин».

Валерий Николаевич прошел в шифровальный отдел, начальником которого была милосердная двадцатипятилетняя капитан Коргина, и, протянув ей текст, сказал:

– Нужно срочно отправить.

– Насколько срочно, товарищ полковник? – уточнила девушка. – Сейчас на очереди у нас еще три шифрограммы. И все срочные!

– Шифрограмма идет начальнику Главного управления контрразведки СМЕРШ.

– Я лично займусь шифрованием, товарищ полковник, – заверила хорошенькая капитан. – И немедленно отправлю.

– Теперь я спокоен, – отозвался Валерий Николаевич, невольно улыбнувшись. На красивую женщину всегда приятно смотреть.

Женщина, постукивая каблуками, заторопилась в отдел. Не удержавшись, Мишин посмотрел ей вслед и тотчас столкнулся с ее насмешливым взглядом. Невольно смутившись, полковник шагнул к выходу.

* * *

Весь текущий день Иван Александрович провел в депо – лично подбирал подходящий паровоз, подыскивал нужные вагоны, а когда эшелон был собран, отдал распоряжение подполковнику Кузьмичеву, занимавшемуся железнодорожными перевозками, обустроить купе самым подобающим образом, и с группой офицеров вылетел в Гжатск – в скромный провинциальный городишко, в котором приходилось бывать еще до войны.

В аэропорту, как и было обговорено, встречали без излишеств, всего-то две машины – для него самого и сопровождавших офицеров. И, петляя между развалинами, покатали осматривать подходящий дом. Помнится, Гжатск украшала церковь Иконы Божией Матери Казанской. Теперь на ее месте – груда побитых кирпичей. Да и сам город, освобожденный всего лишь четыре месяца назад силами пятой армии Западного фронта, выглядел весьма уныло, был основательно разбит, уцелели лишь частные строения, да и то лишь те, что стояли на окраине. В городе лишь женщины и ребяты. Всех мужчин забрали на войну. Встречались лишь солдатики, прибывшие в отпуска после госпиталей или на короткую побывку.

Ночлег для Сталина Серов присмотрел в пригороде, иначе, «объект номер один» – небольшое одноэтажное здание, выкрашенное в голубой цвет с большим огородом, в котором произрастали с десятков яблонь, уже налившиеся плодами.

За Серовым, не отставая ни на шаг, топал глава местного НКВД майор Ефимцев, плотный круглый человек с добродушным лицом. Несмотря на прохладу, он без конца потел, прикладывая белоснежный платок на выпуклый, без единой морщинки лоб.

Повернувшись к Ефимцеву, Иван Александрович спросил:

– Миноискателями в доме прошлись?

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, как вы и приказывали, – ответил майор, заметно распрямившись. Выглядел он немного комично, его круглый живот, неожиданно подавшийся вперед, так и грозился подвинуть Серова. – Проверили и в доме, и в огороде, ничего не нашли!

– Вот и славно! Приставить к дому охрану и никого не впускать, – распорядился Серов.

– Будет исполнено, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – затараторил Ефимцев.

– Можно покороче, просто товарищ комиссар, – выразил неудовольствие Серов.

– Слушаюсь, товарищ комиссар второго... – и тотчас осекся, заметив, как нахмурились брови Серова.

За пятнадцать лет службы майор впервые видел столь высокое начальство на расстоянии вытянутой руки. Оставалось только удивляться, чего это заместителю наркома не сидится в Москве? Какая такая нелегкая погнала его в ничем не примечательный городок, где со дня его основания (со времен Петра Первого, указавшего строить пристань на реке Гжать) не бывало человека старше полковника. Даже боязно было представить, какая персона должна была навещать в Гжатск, если таковую встречает сам комиссар второго ранга Серов и лично подыскивает для нее дом, где бы она могла расположиться.

А комиссар второго ранга оказался невероятно дотошным в житейских делах, мелочей для него просто не существовало. Мало того что он прошелся по всему дому, так он заглянул еще и в сортир, притулившийся к боковой стенке здания. Невольно поморщившись от смрада, коротко спросил:

– Вы каким парфюмом пользуетесь?

Неожиданный вопрос застал майора врасплох. Да и место было выбрано не самое подходящее, чтобы отвечать на него. Но, собравшись с мыслями, не без гордости отвечал:

– Тройным одеколоном... Как и товарищ Сталин!

Иван Александрович невольно подавил улыбку. Сталин пользовался тройным одеколоном потому, что это был единственный парфюм, который не вызывал на его коже раздражения после бритья. Сам же Серов предпочитал одеколон фабрики «Новая Заря», который производили исключительно для высшего офицерского состава, из оставшихся запасов этилового спирта. Его невозможно было приобрести ни по карточкам, ни за деньги. А все потому, что этиловый спирт перешел в разряд стратегически важных продуктов.

– Похвально, – согласился Иван Серов. – А здесь чем пахнет, чувствуете? – И, уловив на лице майора растерянное выражение, продолжил: – Все так, дерьмом! Так вот, даю вам распоряжение... Можете воспринимать его как партийный наказ от кандидата в члены ЦК или как приказ заместителя наркома энкавэдэ – сортир переделать! И чтобы доски в нем были новые! Всю выгребную яму вычистить! И чтобы от сортира пахло не дерьмом, а духами «Красный мак»! Ты меня хорошо понял, товарищ майор? – серьезно спросил Серов.

– Так точно, товарищ член ЦК ВКП (б)! – в полный голос воскликнул Ефимцев. – Сделаем немедленно.

– Значит, все-таки по партийной, – усмехнулся Серов. – Ну-ну... Вернусь через час, проверю!

Серов проехал по городу, но ничего подходящего отыскать не сумел – всюду встречали развалины. Убедившись, что выбор сделан правильно, вернулся. Ефимцев по-прежнему потел и без конца вытирал платком лоб и щеки. Иван Александрович заглянул в наспех сооруженный сортир, пропахший свежими досками и тройным одеколоном, щедро разлитым по углам.

– Молодец, майор, сколько одеколona-то вылил?

– Четыре флакона!

– С поставленной задачей справился успешно... На повышение пойдешь!

Сразу после «объекта номер один» Иван Серов направился на железнодорожную станцию. Несмотря на царящую вокруг разруху, железнодорожный узел был в порядке и, как военный объект, находился под усиленной охраной. Патрули, невзирая на погоны, проверяли удостоверения личности у каждого, кто появлялся в поле их зрения. Такая старательность Серову понравилась.

В сопровождении заместителя и посыльного прошел к начальнику станции. В офицерском обмундировании без погон ему навстречу вышел мужчина лет сорока, крепко припадавший на правую ногу. Вид высокого начальства его не смутил. Доложил, как и следовало, по всей форме.

– Ты мне вот что скажи, есть ли на вашем железнодорожном узле брошенные немцами гранаты, снаряды, мины?

– Поблизости не будет. Вот этими руками все разминировал, – показал он на свои крепкие ладони, – я ведь из саперов. А вот на запасных путях имеются. Городок у нас небольшой, народу нехватка. Я тут разминировал с одним парнишкой, так его на днях в Красную армию призвали. А одному мне несподручно. – Постучав правой ногой, признался: – Вместо ноги у меня теперь култышка. Ну разорвет меня снарядом, кому от того станет легче? – Комиссар второго ранга промолчал. – Вот и я о том же... Где возможно, расставляю солдатиков. А на большее у меня нет ни времени, ни людей.

– Я все понял, разберемся своими силами, – ответил Серов. – Так где снаряды лежат?

Начальник станции подошел к окну и махнул в сторону дальнего полотна:

– А вон там... Около одноэтажных построек. Там у нас ремонтный цех. – Приоткрыв дверь, окликнул мужичка лет шестидесяти: – Савелий, поди сюда. – Когда тот подошел, с интересом поглядывая на представительное начальство, распорядился: – Проводи товарища комиссара к запасным путям... Ну там, где мины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.